

ТИНА ВАЛЬБЕН

РУССКАЯ САГА
ВЫБОР

Тина Вальен

Русская сага. Выбор. Книга первая

«Издательские решения»

Вальен Т.

Русская сага. Выбор. Книга первая / Т. Вальен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831488-9

«Русская сага» — это народный роман о трёх поколениях простой семьи, которые не претендуют на спасение мира, но мужественно держат его на своих плечах. Не все — мужественно... и — держат, но чего только в жизни не случается. В книге «Выбор» Ина ищет путь к счастью и нагло уверена в том, что сама выбирает свою судьбу. Её сердце считает путеводной звездой любовь, разум твердит, что она для бедной девушки — непозволительная роскошь, а неразумная предопределённость тихо смеётся, глядя на них сверху.

ISBN 978-5-44-831488-9

© Вальен Т.
© Издательские решения

Содержание

Истоки	8
Деды и родители	10
СССР 1946 – 50 годы	13
Иван и Мария	14
Воспоминание о Китае	15
СССР 1950—55 годы	17
Молчаливое поколение	18
Встреча с деревней	20
Быт деревни пятидесятых годов	22
Первые уроки	26
Сестрёнка Валя Женина	28
Собственный дом	32
Иван Ильич	35
Самогоноварение	38
Братья	42
Праздники и торжества	45
Деревня и её обитатели	48
История Брянщины	53
Мария Михайловна	55
Лера и Влад	58
Дима плюс Зина	60
Учительница первая моя	62
СССР 1955—1960 годы	64
Новый дом	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Русская сага. Выбор Книга первая

Тина Вальен

Дизайнер обложки Роман Батуев
Дизайнер обложки Maria Ryavina
Корректор Оксана Уразгалиева

© Тина Вальен, 2020
© Роман Батуев, дизайн обложки, 2020
© Maria Ryavina, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4483-1488-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается трём поколениям моей семьи, малой частице народа России, не сломленному никакими катаклизмами и потрясениями, обладающему не только даром жизни, но и мужеством прожить её до конца. И отдельно – женщинам моего рода, в судьбе которых, как в капле воды, отразились судьбы женщин России. Посвящается тебе, моя любимая внучка, чтобы помнила свои корни.

Все события реальны, как и имена героев, кроме изменённых во избежание их повторения или дискредитации скрытых под ними лиц. Если эти лица не угодили автору, то это не значит, что они не угодили всем остальным. Это для объективности.

**Век новый делает виток,
смывая думы, даты, годы...
И предсказуем ход времён,
не предсказуемы дороги.**

(Лобанов Н.)

Бессонницей я страдала время от времени и по разным причинам. Потом умер папа, следом за ним – мама, и сон ушёл совсем. Я вдруг осознала, что потеряла главную опору в своей жизни – безусловную любовь, родительскую, которая была со мной всегда «в радости и горести, в болезни и здравии». В самые тяжёлые моменты жизни я знала, что не одинока, что мне помогут. Теперь, когда их нет, я до конца осознала своё полное сиротство.

До седых волос я думала совершенно по-детски, что они будут жить вечно. Только их смерть выдернула меня из этого самообмана и прокричала в самое сердце: они ушли навсегда! Я уже не смогу никогда обнять их и сказать те слова любви, которые ещё не сказала. Никогда.

Болят душа. Я открываю старые альбомы и смотрю чёрно-белые фотографии папы и мамы, где они ещё такие молодые, красивые и счастливые. Эти альбомы я положу в ящик и иногда буду просматривать, а после меня о них забудут... Мне трудно это представить. Невыносимо захотелось, чтобы о них помнили даже праправнуки.

Потом я открываю свои дневники, которые привезла к себе из дома родителей, и читаю свои первые детские записи ещё перьевой ручкой: «прочитала... прочитала... папа запретил читать взрослую книгу, поссорилась с мамой...» Именно она посоветовала мне вести дневник, когда в пятом классе я размечталась стать писателем.

В четыре часа ночи, выплакав все слёзы, я включаю компьютер и начинаю писать. Это единственный потенциал, который во мне остался. Пусть он превратится в книгу памяти о жизни любимых родителей, о их детях и внуках, простых незаметных героях своего времени, растянутого почти на столетие. Я не знаю, будет ли эта история интересной для последующих поколений, но я засну спокойным сном. С чувством выполненного долга? Нет, только его малой капли.

Вспоминаю себя, маленькую девочку. Мне казалось, что история рождается вместе со мной, что я центр и смысл окружающего мира, и только вместе с прожитыми годами неожиданно осознала, что сама становлюсь историей, и эта открывшаяся истина шокировала.

Моей маленькой внучке трудно даже представить, что её бабушка тоже была девочкой и бежала вдогонку за своей Синей птицей... Может быть, эта моя незамысловатая история о мечтах и разочарованиях, о победах и поражениях будет полезна ей, только начинающей познавать жизнь.

Мне не хочется писать свой роман от собственного имени. Причина довольно смешная: у меня с детства отбили желание якать. «Я – последняя буква в алфавите» было одним из самых безобидных выражений среди моих друзей. Мальчишки придумали совсем уж неприличные. Буду писать от третьего лица.

Из моего имени Валентина получился хороший псевдоним Тина Вальен, под которым уже вышли три книги. В этом романе я позволю себе ещё более короткое имя – Ина.

Истоки

*От чистого истока
В прекрасное далёко,
В прекрасное далёко
Я начинаю путь.*

(Энтин Ю.)

С чего начать повествование о своём роде? Может быть, как в сказках, жили-были? Ина задумалась. Ей вспомнился разговор с дочкой.

– Мама, ты родилась в Риге, дедушка там служил военным специалистом, бабушка чуть не доучилась на учительницу. Вы с папой окончили один и тот же институт, значит, – интеллигенция. А откуда берет начало наш род? Анжелика недавно похвасталась, что они потомственные дворяне!

– Доченька, в стране перестройка. Пока трудно понять, то ли идём вперёд к демократии и равенству, то ли назад – к монархии и сословиям. Очевиден только хаос, но в нём уже кто-то вспомнил о своём дворянском происхождении, кто-то подделывает родословные, чтобы мнить себя аристократом. Смешно и непривычно наблюдать это после того, как нас совсем недавно признали единой равноправной общностью – советским народом. Короче говоря, «вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»...

– А что было с нашим родом до этого?

– Крестьянствовал. «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил». И все аристократы катались на нашем горбу, потом «Чёрные дни миновали, час искупленья пробил».

– Помню, помню... Свергли могучей рукою гнёт вековой навсегда и водрузили красное знамя труда. Mam, хватит прикалываться!

– Это революционный дух во мне просыпается. Власть сверху обещает больше демократии и социализма, а снизу уже аристократы лезут!

– Что-то мне трудно представить родителей Анжелики аристократами. Особенно её бриту папу с толстой золотой цепью на шее. И пока он ездит на БМВ, а не на чужом горбу.

– Это пока. Создаётся такое впечатление, что с этой перестройкой рухнем мы в дикие времена первоначального накопления капитала, из которого и вырастает нечто дикое, которое даже с купленной дворянской родословной не очень скоро превратится в цвет нации.

– А если их дети будут учиться на Западе? Анжелика заранее хвастается, что ей обещают обучение в Лондоне.

– И станет она цветом чужой нации. Только и слышим: Запад! Западная цивилизация! Почему мы не смогли у себя такую построить? Семьдесят лет советские люди на пределе своих возможностей строили и защищали свою самую прогрессивную цивилизацию на одной шестой части суши и в результате получили товарный и продуктовый голод. Кто рулил державой? Партия – наш рулевой, ум, честь и совесть нашей эпохи! На весь мир опозорились. Многие уже возмечтали на этих же просторах построить вместо коммунистического капиталистический рай, – Ина закончила говорить и замолчала. Но тут же страшным голосом добавила, – И запахло адом!

– Не страшно, – засмеялась дочь и заявила, – потому что наши мальчишки станут бизнесменами!

– Ты говорила, что в вашем классе большинство из них троечники. Им прямая дорога в ПТУ – помоги тупому устроиться. Там «Капитал» Маркса не преподают, а кроме него в стране никакой науки о бизнесе нет. И о чём думает наша власть? Неужели теперь капитализм начнут догонять, сверкая голым задом? Совсем крыша поехала. Жаль.

– Советскую власть?! Нечего её жалеть.

– Таковую, какой она стала, уже не жалко. Но без неё не имела бы ни я, ни ты образованных родителей. Это она приняла решение о всеобщем поголовном образовании и заставила всех прочитать в букваре: мы – не рабы, рабы – не мы.

– Поголовном?! Так скот считают. Прямо антиреклама: Только в России!

– И тем не менее только Россия подарила миру Пушкина, Толстого, Достоевского... И при советской власти её чистые родники не пересохли, только крыша над этими источниками иногда гниёт и засоряет их.

– И на этот раз властная крыша совсем сгнила и, как ты говоришь, совсем поехала... кажется...

– Да, кажется. Который год стоим в огромной очереди за элементарной едой, ждём униженно, когда нам её выбросят, как собакам. Уже очевидно, что власть именно так к нам относится, но молчим! Как есть рабы, а рабы немые. Нам всё кажется, что это не так. Иди-ка ты лучше спать и помечтай перед сном о чём-нибудь девичьем.

– Я почитаю. Прильну, как ты изволишь выразаться, к чистым источникам классики. «Прекрасное далёко не будь ко мне жестоко», – запела дочь песенку из фильма «Гостя из будущего» и пошла в свою комнату.

Ина вспомнила разговор с дочкой и улыбнулась. Ветер перемен манил и одновременно тревожил. В этом перестроечном хаосе никто не мог понять, каким в результате станет их будущее, и не скрутит ли оно снова всех в бараний рог? Прекрасное далёко... Казалось, что совсем недавно в эту манящую неизвестную даль бежала она сама, маленькая и восторженная девочка. От чистого истока...

Деды и родители

*Подарок предков – наша жизнь, сохранение доброй памяти о них –
наша благодарность.*
(Агацарский Г.)

Результатом Первой мировой войны стали сначала Февральская, потом Октябрьская революции в России и ликвидация четырёх империй: Российской, Германской, Османской и Австро-Венгерской. Потери вооружённых сил всех держав-участниц войны составили около 10 миллионов человек. Голод и эпидемии, причинённые войной, стали причиной гибели, как минимум, 20 миллионов человек. После Октябрьской революции Советская власть провозгласила Декрет о мире и земле, об уничтожении сословий, признавая народ гражданами Российской Республики. Крестьянское большинство населения страны полностью отошло от политической деятельности, с головой погрузившись в «чёрный передел» земли, которую объявили всенародным достоянием и переходом её в пользование всех трудящихся на ней.

В 1918 году началась Гражданская война. Контр-революционное белое движение стремилось к восстановлению свергнутого государственного строя и своего господствующего положения. К нему примыкала часть зажиточного крестьянства, страдающего от политики новой власти. В результате войны экономике России был нанесён колоссальный ущерб. И деревня устала от бесконечных жертв: крестьяне получили землю, но у них стали забирать почти весь выращенный хлеб. В 1922 году после окончания Гражданской войны начался голод, а в 1932 году, сразу после коллективизации, случился страшный голод.

Где-то в Брянской волости на высоком берегу реки Снов расположилась глухая деревенька Шамовка на сто дворов. Там жили-поживали муж и жена Макаренко, Ольга и Илья. У них было пять сыновей и две дочери: Александра, Василий, Иван, Дмитрий, Григорий, Татьяна и Михаил.

Жили в трудах и заботах, но всё равно в нищете. Новый советский порядок поломал привычный крестьянский уклад, поэтому лучше жить не стало. Так же от зари до зари работают, теперь в колхозе, а вместо денег им трудодни засчитывают. По этим трудодням в конце года выдают зерно и картошку, по малости, остальное забирает государство. Деньги за трудодни стали платить только в пятидесятых годах, да и то копейки! Не зря ВКП (б), Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), расшифровывалась колхозниками как Второе Крепостное Право большевиков. Уровень оброка неуклонно повышался и составил в 1948 году до 60 килограммов мяса, до 300 литров молока, до 150 куриных яиц и определённое количество шерсти, картофеля, овощей с каждого колхозного приусадебного участка. За килограмм мяса колхознику платили 14 копеек, а горожанам продавали за 32 рубля.

Кроме натурального оброка колхозники платили денежный сельхозналог за землю, за каждое животное, за плодовые деревья; обязательные страховые взносы, местные налоги, добровольное самообложение, а также обязаны были приобретать облигации различных займов. Оставшуюся продукцию они могли продать тому же государству, но уже чуть дороже, по закупочной цене, или на рынке – по рыночной.

В семью Ольги пришла беда: помер муж Илья. Семеро детей как-то надо было накормить, одеть, в школу отправить. Ольга после смерти мужа совсем иссохла, сгорбилась. Дети худобно, но выросли. Сыновей, статных и высоких, по очереди отправляли служить в морфлот на пять лет. Первым ушёл служить Родине Василий, потом Иван и Дмитрий. Только Григорий служил на суше, поэтому и попал на Финскую войну. Ольга осталась с двумя дочками и младшеньким Мишей. Хатка вросла в землю, все плоды трудов своих она сдавала государству по низким расценкам, не сдашь – тюрьма. Чтобы продать остатки, надо ехать на рынок.

До Климовского – более двадцати вёрст, не наездишься. Да и что продавать, если только на еду и остаётся?

Отечественная война. Все сынки, кроме Миши, там. Ольга отмолила от смерти всех четверых. Война забрала мужей, сыновей из каждой семьи, а Ольгины все вернулись живыми. С тех пор нарекли её ведьмой, сразу вспомнив, что и отец её был вроде бы колдуном... Василий и Григорий скоро женятся. Выдадут замуж в соседнее село Шуру. Останется старой девицей Татьяна. Иван напишет, что женился, живёт в Риге и служит в управлении ГВФ – гражданской воздушной авиации. Дмитрий окажется в Одессе и будет работать грузчиком в порту. Здоровенный детина мог таскать по три мешка: один на спине, два – под мышкой, чем и прославился. В деревне о нём легенды ходили, да вдруг пропал без вести.

Ина помнит, как их семья переехала в деревню и временно жила у бабы Ольги. Помнит, как ударился в окошко голубь, как запричитала бабушка: это от сыночка весточка будет. И письмо от Мити придёт, в котором он сообщит, что жив-здоров, работает на Крайнем Севере. И ни слова о том, как он там оказался. Но слухами земля полнится. Случилась в солнечной Одессе с Митей беда: случайно вытер он зад газетой с портретом Сталина и загремел по этапу на лесоповал в Сибирь, где навсегда и осел. Такие были времена. Больше писем от него не было. Иван вернётся в деревню самым последним из сыновей. О нём и будет главный рассказ.

Макаренко Иван Ильич родился 7 апреля 1916 года. Он с детства мечтал о море, поэтому после школы окончил военно-морское училище в Одессе и был призван служить на Балтийский флот в Кронштадт в качестве радиста на торпедных катерах. Там и застала его война. Дома им гордились, вспоминали, как ходил «женихаться» к девушке на другой край деревни в деревянных башмаках. Теперь сынок далеко от родной деревеньки, в люди выбился и письма пишет. Сестрёнки их по слогам читали безграмотной матери. Она слушала и радовалась за сыночка.

В Рязанской губернии на хуторе Петрово жили-были Сорокины, Михаил и Мария. У них было два сына: Александр и Николай. Потом Мария снова понесла, а Михаил возьми и помри от лихорадки. От переживаний она еле разродилась. 29 сентября 1923 года появилась на свет маленькая девочка. Назвали её Марией.

Сыновья жили и учились в городском интернате, стали пионерами, комсомольцами, потом вступили в партию. Перед самой войной Александра отправили строить Магнитку, но он успел переселить мать с сестрой в освободившийся домик в селе Борщевое. Николай был призван на службу в армию, а Маша окончила семилетнюю школу и поступила в педагогическое училище в городе Рязске.

К этому времени жизнь в стране резко ухудшилась, опять ввели карточки, отменённые в январе 1935 года. В очередях за хлебом и ситцем люди стояли даже по ночам. Отчасти это объяснялось паническими настроениями из-за войны с Финляндией, двукратным повышением городского населения и увеличением численности вооружённых сил. Армию надо было накормить, одеть и вооружить.

До отправки на Магнитку Александр помогал Маше деньгами, да мать с редкой оказией присылала картошку. В октябре 1940 года, когда Маша училась уже на втором курсе, было введено платное обучение в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях. В провинции надо было платить сто пятьдесят рублей в год. Брат уехал, и Маше никто не мог помочь. Так введение даже такой скромной платы для самых бедных советских граждан закрыло возможность продолжить образование дальше. Советская власть сознательно добивалась ограничения количества людей со средним специальным и высшим образованием, потому что стране нужны были работники на земле и у станка.

Фактически Сталин в то время начал формирование новой сословности. Те же крестьяне не могли теперь «выбиться в люди» даже через учёбу в техникуме, а рабочие – через вуз. В семьях того времени нормой было рожать от трёх и более детей, и платить за их обучение

стало для них непосильной ношей, поэтому дети шли в ФЗО, получали фабрично-заводское образование и становились рабочими, а на селе – колхозниками.

Маша потеряла продуктовую карточку, а картошка от матери кончилась к ноябрю. Есть стало нечего, и на одном из уроков с ней случился голодный обморок. Учительница выслушала её смущённый рассказ о временном бедственном положении и стала приносить ей в училище стакан молока и кусочек хлеба. Долго так продолжаться не могло. Маша поняла, что стать учительницей ей не суждено, и пошла искать работу. Искала долго. Наконец, её взяли ученицей парикмахера в артель «Кооператив», но до первой зарплаты надо было как-то дожить, поэтому она ходила по разным столовым и чайным, предлагала помыть посуду или полы за еду. То голодное время она долго вспоминала со слезами на глазах. Но уже через год личико её округлилось, а в гардеробе появилось два платья: одно кремовое из полотна, другое цветное из ситца. Осталось дожидаться жениха, но началась война, и уже через год именно её отправили на фронт. Разрядка пришла на дочку хозяина парикмахерской, но хозяин вместо неё послал в военкомат беззащитную Машеньку. И попала она служить сначала под Ленинград, потом в Кронштадт, где охраняла военно-морские склады. Ленинград уже находился в блокаде, и их, девчонок охранной роты, кормили бурдой из мороженых овощей. Они не роптали, потому что хлеба было вдоволь, а моряки получали даже шоколад.

Военные базы всё время бомбили, сбрасывали зажигательные снаряды, которые надо было тушить. Маша на всю жизнь запомнила страх и холод. Ночью на вахте она промерзала до костей. В Ленинграде начался мор. Иногда девчат возили туда по служебной надобности, и они обязательно брали с собой хлеб, чтобы раздать его детям. Невыносимо было видеть измождённых голодом людей, еле передвигающихся по заснеженным полупустым улицам.

Вопреки всем ужасам войны, девчата влюблялись. Со страхом и надеждой ожидали они возвращения своих любимых из похода, часто оплакивая погибших. В конце войны Мария получила письмо от матери, в котором та сообщала, что Александр вернулся с Магнитки и занял должность в райкоме, а Николай пока на фронте. Мама очень ждала и её возвращения.

Скоро война кончится.

СССР 1946 – 50 годы

Вторая мировая война, начавшаяся в 1936 году, была самой тяжёлой и кровавой войной в истории человечества. В ней участвовало 72 государства (80% населения Земного шара). Военные действия велись на территории 40 государств.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. против фашистской Германии стала составной частью Второй мировой войны, она завершилась победой Красной Армии и унесла 27 млн. человеческих жизней. В послевоенные годы основной задачей Советского государства стало восстановление разрушенного народного хозяйства.

В 1949 году в США был создан военно-политический блок НАТО, объединяющий большинство стран Европы, США и Канаду.

В этом же году была создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Параллельно шёл процесс распада мировой колониальной системы, многие освободившиеся страны шли на сотрудничество с СССР.

В результате в мире сложилось два центра силы, противостояние которых было названо «холодной войной», сопровождавшейся гонкой вооружений под постоянной угрозой атомной войны с участием главных «действующих лиц» – США и СССР.

В марте 1946 года ВС СССР принял закон о пятилетнем плане на 1946—50 гг. Выпущены бумаги государственного займа для восстановления народного хозяйства. Население покупало их в обязательном порядке.

В декабре этого года произведён пуск первого в Европе атомного реактора под руководством Курчатова.

В 1947 году запрещены браки с иностранцами. Отменили смертную казнь. Проведена денежная реформа, отмена карточек на все товары. Старые денежные знаки обменяли на новые в соотношении 10:1. Народ успокоили первым снижением розничных цен.

В 1949 году взорвана первая атомная бомба в Семипалатинске.

Страна справилась с последствиями тяжёлой засухи, охватившей в 1946 году полстраны.

По «Ленинградскому делу» осуждены и приговорены к расстрелу и длительным срокам тюремного заключения 200 партийных и советских работников, а также их родственники.

В 1950 году восстановили смертную казнь и осуждённые были расстреляны. Был нарушен один из фундаментальных принципов права – «закон обратной силы не имеет».

В 1950 году в печати объявлено о выполнении четвёртого пятилетнего плана досрочно: построено и введено в строй 3200 крупных промышленных предприятий, а вместе с восстановленными 6200, валовой продукт вырос на 70%, только сельское хозяйство вышло на довоенный уровень.¹

¹ История России. Хронологический справочник. М.: «Приор-издат». Авторы Спиринов Н. В. и Андреева Л. А.

Иван и Мария

*Стали вдруг одним цветком
Два цветка Иван да Марья.
(Высоцкий В.)*

Конец войны Иван и Мария встретили в Кронштадте. Иван получил за боевые действия на торпедных катерах два ордена, Красной Звезды и Отечественной войны, и множество медалей. В одном из боёв он был ранен. В 1945 году сразу после победы они поженились. Самый красивый высокий моряк и самая миленькая маленькая морячка.

Ивана перевели служить в Ригу, его часть располагалась в военном городке микрорайона Болдерая. Жили они в снимаемой комнате в странном двухэтажном домике, похожем на высокий паровозик с трубой. Жили голодно. В 1946 году у них родилась девочка, умерла от воспаления лёгких. В 1948 году родился мальчик и умер от коклюша.

После смерти детей Иван добился перевода в ГВФ и в звании техника-лейтенанта гражданской авиации получил должность начальника радиомаяка и домик при нём на целом гектаре земли. Мария приготовилась к счастью. Когда-то оно должно задержаться на её пороге?

Рига 1949 год. Военный городок Болдерая. 10 мая в семье Ивана и Марии родилась светловолосая и голубоглазая девочка. Назвали её Валентиной. После смерти первых двух детей родители берегли её как зеницу ока. Маша после родов превратилась в тень. Денег не хватало, поэтому она вышла на работу, а дочке нашли пожилую няню-латышку.

Однажды Маша вернулась с работы пораньше и увидела жуткую картину: няня сидела на кухне в нетрезвом состоянии, а малышка в позе зародыша находилась в её широкой юбке, как в гамаке, вместо того, чтобы гулять на улице и дышать свежим воздухом. Пришлось распрощаться с работой и няней. Но вид полупустой довольно просторной кухни с плитой и стулом навсегда останется в памяти крохи, потому что почти полгода она смотрела на него из подола юбки, часами слушая заунывные песни на незнакомом языке.

Иногда прибежала мамина подруга, тискала её и обязательно спрашивала: «Как зовут эту девочку?» «Ина», – отвечала она, упорно не желая выговаривать своё полное имя Валентина.

– Мария, твоей дочке очень нравится именно это имя. А, что? Очень даже симпатично – Иночка, Инуся. . . Я так и буду её называть. Ты не против?

Мама смеялась. Они обе смеялись. Ине нравился их смех, нравилась весёлая тётя, которая всегда приносила ей маленькие игрушки.

Ина помнит весну 1953 года. Мама, склонившись к приёмнику, слушает еле слышный голос диктора и плачет.

– Мама, почему ты плачешь?

– Сталин умер, доченька. Что теперь с нами будет?

Ничего страшного не случилось. Даже наоборот. Отца как лучшего специалиста по авиационной радиотехнике вместе с семьёй откомандировали в Китай. Ине исполнилось пять лет, когда она с мамой и папой пришли на кладбище, чтобы попрощаться с её братиком и сестричкой. На их могилках росли удивительные зелёные розочки. Маленькие и побольше, они сидели в песке, тесно прижавшись друг к другу. Эти две могилки она запомнит на всю жизнь. В апреле 1953 года они уехали в Китай.

Воспоминание о Китае

*Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
(Из песни «Москва – Пекин» Вершинин М.)*

Детская память избирательна, образы её яркие и незабываемые. Ина помнит разноцветный сказочный Пекин, сияющий по вечерам морем электрических огней, как только раз в году в прошлой жизни сверкала ёлка. Она помнит названия городов, в которых папа работал: Мукден или Шэньян, Гуанчжоу, Урумчи, помнит дом с огромной верандой среди песков, в котором жили ещё две русские семьи, и раненого огромного орла, которого мужчины принесли с охоты и демонстрировали перед верандой размах его крыльев.

Здесь она обожгла ноги о раскалённый песок, выбежав после полуденного сна к папе, игравшему с друзьями на спортивной площадке в городки. Ступни покрылись огромными волдырями, переполох был страшный, а её визг ещё страшней. Ина помнит столовую на втором этаже, откуда очень крутая лестница вела на чердак. Ей очень хотелось туда залезть, но мама сказала, что там живёт страшный Бабай.

В том доме с верандой отец «в любую погоду» катал любимую дочку на самолёте. Им служил маленький с провисшим сидением старый стул, в который она проваливалась наполовину. Отец поднимал её выше головы и, жутко завывая, бегал по длинному коридору. Это было счастье.

Мама читала ей красочно иллюстрированные детские книжки всех существующих на тот момент детских писателей и учила шить платья куклам на швейной машинке, доверяя крутить ручку.

Иногда её наказывали, сажая на тот самый стул с провисшим сиденьем в конце длинного коридора на некоторое время, казавшееся ей вечностью. Это наказание для неё было самым страшным.

Потом они жили в другом месте, где перед домом была большая клумба, к которой она бегала по утрам, чтобы вдохнуть запах роз и бархатцев. Окружающий мир не переставал удивлять: однажды среди цветов она увидела огромную бородавчатую жабу размером с её голову...

С переездом в другой город менялись подруги мамы, а вместе с ними и друзья Ины. Обычно мамы собирались и пили чай или занимались примеркой платьев, а она с новыми друзьями исследовала территорию. И вот они заходят в пустой дом, спускаются куда-то вниз, в подвал, почти полностью залитый водой... страшно... стоило только споткнуться...

На последнем месте службы отца они жили в доме, у которого края крыши были изящно изогнуты. Рядом с домом был садик, там мамы варили варенье в больших тазах, а в жаркий полдень заходили в дом, поливали пол водой и ложились спать. Если раздавались громкие крики, значит, в чью-то комнату заполз скорпион или тарантул.

Все питались в столовых и очень хорошо. Не хотела есть только она, отказываясь даже от дыни и арбуза. Родители переживали, пытались заставить есть силой, от чего она жутко орала, а родители ругались.

Китайцы, как мужчины, так и женщины, одевались практически одинаково. Все они носили брюки с куртками синего или зелёного цвета и кепи. Китайские малыши носили штанишки с разрезом сзади, чтобы удобно было писать или какать. Дети приседали, разрез расходился, и всё прекрасно получалось. Это изобретение потрясло.

По слухам, одинаковая одежда для всех вне зависимости от пола была введена законом, чтобы никто не выделялся из общего братства, чтобы исключить зависть в многомиллионной стране, вступившей на путь построения коммунизма.

В некоторых семьях хранилась одежда из прошлой жизни. Под строжайшим секретом жёны советских специалистов совершали экскурсии в такие дома, где им показывали колодки, которые одевали на ноги девочек, дабы они оставались такими же маленькими всю оставшуюся жизнь, а потом демонстрировали уродливый результат. Он ужасал. Восхищал нежнейший шёлк спрятанных женских одежд, что служило бесконечной темой для разговоров.

Потом мамы уезжали в магазины, где зарывались в красивейших и никогда не виданных материалах. Женщины покупали шифон, атлас, панбархат разнообразной расцветки и шили себе из них платья. Костюмы – обязательно из габардина. Покупали обувь зимнюю – бурки, ботиночки на меху, летнюю – туфли из лаковой и змеиной кожи, китайские шубы, кожаные плащи, детские вещи.

Китайцев, работавших вместе с советскими специалистами, поражал своеобразный вещизм «старших братьев» и огромное количество багажа, увозимого ими на родину. Китайцы, естественно, не могли не задаваться вопросом: если советские люди живут хорошо, как пишут их газеты, то почему они покупают в Китае так много разнообразных вещей бытового характера?

Сразу после смерти Сталина прозвучал доклад Маленкова о культе личности вождя, его поддержал Хрущёв, после чего произошло охлаждение дружеских отношений между СССР и Китаем.

В 1955 году всех советских специалистов, одарив необыкновенными экскурсиями и подарками, проводили на голодающую Родину. Надо признать, что не для всех она была таковой, но исключения, как известно, подтверждают правило.

От имени КНР Ивана Ильича наградили медалью «СКОГА» за выдающиеся достижения в работе Советско-Китайского Акционерного Общества Гражданской Авиации. Ему подарили картину-пейзаж, мастерски вырезанную из сандалового дерева: река, на одном берегу расположились две пагоды среди цветущих деревьев, от них перекинут мостик на другой берег, более высокий и пустынный. По реке плывёт лодка с парусом, в небе клином летят птицы. Более дорогой подарок, винный сервиз, тоже был вырезан из дерева. Внутри его покрывала золотая эмаль, а снаружи – чёрная, по которой был мастерски выписан извивающийся золотой дракон. Папа оценил и серебряные карманные часы работы известного мастера с золочёной гравировкой его инициалов.

Ина помнит самый интересный подарок для другой семьи: филигранно вырезанный из кости ажурный шар, а в нём другие, мал-мала меньше. И все они не касались стенок друг друга.

Последние прощальные торжества ожидали семьи советских специалистов в Пекине. Площадь Тянь-аньмэнь. Праздник Дракона. Советская делегация сидит в ложах рядом с правительством, а внизу демонстрирует свою красоту и силу огромный извивающийся дракон с огненной пастью, его поддерживают на длинных шестах совсем незаметные люди. Мама сказала Ине, что этот Дракон очень умный и добрый, поэтому его не надо бояться.

Многочисленные экскурсии по известным и знаменитым музеям не произвели на маленькую Ину никакого впечатления, тем более всевозможные представления китайских артистов.

Больше всего ей запомнилась экскурсия в горы, где огромный, величиной с дом, валун наклонился над дорогой, чудом удерживаясь на маленьком основании.

Ина до сих пор любит любые камни, чистые от дождя и нагретые солнышком, но теперь ей больше всего нравится разноцветная галька на морском берегу.

СССР 1950—55 годы

В 1955 году закончилась пятая пятилетка. В результате пятилетки построено более 3000 крупных промышленных предприятий.

Введено в оборот 13 млн. га новых земель.

Открыт Волго-Донской канал, соединивший Северное море с Азовско-Черноморским бассейном.

Вступили в строй три новые ГЭС.

Построена атомная электростанция в Обнинске (первая в мире.)

Установлен сокращённый рабочий день для подростков и молодёжи до 18 лет. Разрешены аборты, запрещённые в 1936 году.

В 1953 году после смерти Сталина первым секретарём ЦК КПСС был избран Хрущёв Н. С.

Началась героическая эпопея освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири.

В 1954 году Указом Президиума ВС Крым отдан Украине.

В 1955 году принято решение об увеличении объёмов производства продуктов животноводства. Началась кампания по выращиванию кукурузы как ключ к решению проблемы кормов для скота.

Прозвучало партийно-правительственное обращение к гражданам страны об оказании помощи колхозной деревне в укреплении отстающих колхозов руководящими кадрами.

На этот призыв откликнулось более 20 тысяч добровольцев.

Международная политика

В 1950 году СССР заключил договор о дружбе и сотрудничестве с КНР, в 1955 году – с ГДР.

В 1953 году в Восточном Берлине начались перебои в снабжении населения продуктами питания, потому что Германия расплачивалась со многими странами за ущерб, принесённый развязыванием Второй мировой войны.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года Сталин предложил установить общую сумму репараций для Германии в размере 20 млрд долл., предусмотрев, что половина этой суммы (10 млрд долл.) будет выплачиваться Советскому Союзу как стране, внёсшей наибольший вклад в Победу и пострадавшей больше всех из антигитлеровской коалиции.

С некоторыми оговорками Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились с предложением И. Сталина, о чём свидетельствует стенограмма Ялтинской конференции.

В августе 1953 года СССР отказался от получения репараций с Германии в пользу ГДР, чтобы поддержать уровень её жизни.

Молчаливое поколение

*Как трудно молчать, когда тебя не спрашивают.
(Геншин М.)*

В марте 1955 года семья Макаренко вернулась из Китая в город Ригу. Их поселили в общежитие, что после сладкой жизни не показалось раем. Три месяца отец пытался устроиться на работу. Он вернулся из Китая с прекрасными характеристиками и рассчитывал, что его карьера пойдёт вверх, а его посылали из кабинета в кабинет с одинаково нулевым результатом. Больше всего отца раздражало то, что многие кабинетные начальники даже пороха не нюхали. Он никак не мог понять, почему ему, отличному специалисту и орденоносцу, не могут найти место работы?!

Могли, если бы он скинул со своего плеча шикарное кожаное пальто и подарил одному из них, а его жене – панбархатное платье мамы. Но отец никогда не мог и никогда не сможет в дальнейшей жизни давать взятки. Он был честным коммунистом и считал их преступлением. Возможно, что именно поэтому его в числе двадцати тысяч «добровольцев» отправили на подъем сельского хозяйства в отстающий колхоз. Так одного из лучших технарей по установке радаров в аэропортах лишили любимой профессии. Он боролся за неё, стучался во все двери, а потом устал и сдался. Его потянула к себе малая Родина, её луга, сады, подсобное хозяйство, и, может быть, деревня укрепит хилое здоровье дочери. В Китае из-за перемены климата Ина часто болела, и мама замоталась с ней по госпиталям. Однажды её пришлось срочно отправить в один из них на военном самолёте.

О решении папы уехать в деревню, мама узнала по радио: «Молодые коммунисты откликнулись на призыв партии и уезжают поднимать колхозы... Иванов, Сидоров, Макаренко...» Услышала, заплакала и пожаловалась Ине:

– Папа решил похоронить нас в деревне. Колхоз – это тюрьма, из которой не выберешься! Ина услышала про тюрьму и тоже заплакала. Впервые мама с папой поругались.

– Ни за что, – кричала мама, – развод!

– Там земля усыпана яблоками! – кричал отец.

Может быть, отец и дождался бы своего места под солнцем, будь он решительней и бесстрашней. Мама уговаривала его дать кому-то что-то, после чего она впервые увидела своего папу взбешённым.

– Ты думай, что говоришь, – почему-то зашипел он. – В тюрьму меня толкаешь...

– Колхозная тюрьма страшней, – тихо ответила мама и снова заплакала.

Что это за такой страшный колхоз, куда их скоро повезёт папа, подумала с ужасом Ина.

Однажды отец вернулся очень поздно и рассказал, что на него напали бандиты, он их победил и отобрал какую-то вещь, которую назвал кастетом. Отец в невероятном возбуждении ходил по комнате, а потом сказал:

– Всё! Терпение моё лопнуло. Хорошо, что документы отбил. Мария, ты представляешь вольнку с их восстановлением?

Летом они поехали сначала в родную деревню мамы в Рязский район. История старшего брата мамы Александра не удивила. Он после Магнитки занимал высокие должности в райкоме партии, потом и его отправили поднимать самый отсталый колхоз в качестве председателя, подселив его семью в чей-то дом. Её брат Николай жил в деревне вместе бабушкой Маней, женой и тремя дочками. Он тоже занимал невысокий руководящий пост. Всю мамину родню одарили подарками: отрезами дорогой ткани. Несмотря на статус, обе семьи жили бедно. Очень бедно, как рассказала Ине младшая дочь Александра Лида, спустя много-много лет.

Даже валенки они носили по очереди. Их отец тоже был честным и ответственным человеком, которому ещё нескоро дадут квартиру в Рязске.

Ина, повзрослев, так и не поняла до конца, почему после возвращения из такой успешной командировки у их семьи не было денег, чтобы купить приличный дом в той же деревне. Мама объясняла, что деньги можно было вывезти только в небольшом количестве, поэтому на остальные приходилось покупать самое ценное, что можно было купить в Китае: ткани, столовое серебро, золотые вещи (ограничено), шубы искусственные, кожаные пальто, обувь, платья. А на родине продажа вещей каралась законом, в комиссионках без знакомств за них давали минимальную цену. Ина помнит, как мама рвалась что-то продать на каком-то чёрном рынке, но отец бурно протестовал. Мама ему объясняла:

– Твои подъёмные покроют только дорогу, здесь в Риге это можно ещё сделать, а в деревне – никогда! На что жить будем?

Её вопрос так и остался риторическим.

В гостях у бабушки Мани Ине очень понравилось играть с сёстрами в дочки-матери в домике-землянке, который стал мечтой на протяжении всего детства. Родители, оставив её у бабушки Мани, уехали в деревню к папиной родне в Брянскую область. Видимо отец выбирал колхоз, в котором будет работать.

Маму очаровала родина мужа: две рыбных речушки, заливные луга, колосистые поля с синими васильками у обочины, лес, и она сдалась. С этого момента заканчивается извилистый путь Ивана и Марии.

Был ли у него, у Ивана Ильича, другой выбор? Мамины родственники из Люберец могли устроить его на работу в аэропорт Быково, но надо было подождать свободной вакансии. Может быть, стоило снять жильё и ждать? В таком случае судьба их семьи могла быть другой. Получилось, как получилось. Отец выбрал деревню. Ина вырастет и ещё долго не сможет простить ему такой выбор. Только через много лет, уже после смерти родителей, она доподлинно узнает послевоенную историю своей страны и многое поймёт.

Наверно не зря поколение, родившееся в период с 1923 по 1943 год, названо Молчаливым. Оно пережило голод 30-х годов, коллективизацию и индустриализацию, войну и сталинские репрессии, когда за одно неосторожное слово могли сослать совсем даже не в пионерский лагерь. И после победы в Великой отечественной войне это поколение молчало, но именно его представители сделали Россию самой читающей страной в мире, и Моральный кодекс строителя коммунизма стал их религией. После перестройки Ина узнала, что и при Сталине, и после него были люди, которые на этот кодекс плевали. Они спекулировали, давали и брали взятки, воровали и пили шампанское. Молча!

Её послевоенное поколение назвали «Бэби-бумеры», потому что оно стало одним из самых многочисленных. В пятидесятые годы Ина живёт с папой и мамой без забот и тревог, как не всем посчастливилось. Многие лишились родителей и жили в сиротских приютах, дрались за еду в многодетных семьях или сбегали ото всех и становились бродяжками.

Газеты того времени писали, что страна расцветает всеми цветами радуги, а студенчество помчалось за романтикой на целину...

Встреча с деревней

*Где нас встретит с любовью и нежностью наша пристань –
родительский дом.
(Рябинин М.)*

Декабрь 1955 года был на редкость снежный. Семья Ины переезжает на постоянное место жительства в деревню Шамовка, Брянской области. Станция Климово. С поезда их встречают папины братья на двух санях, покрытых соломой и тулупами. Уже в темноте грузят поклажу, трогаются в путь по бездорожью, утопая по колено в снегу. До деревни двадцать пять километров.

Ночь чёрная-чёрная, небо звёздное-звёздное. По краям дороги висит мрачный лес, а впереди бесконечное сиреневое безмолвие. Мороз, скрип саней, фырканье лошадей. Кто-то постоянно идёт впереди, прокладывая дорогу. Время остановилось, Ина окончательно одеревенела.

Наконец показались занесённые снегом избы. Ни одного огонька, зато на небе появилась полная луна и осветила мертвенным светом эту сказочную картину. У одной из самых маленьких избышек сани остановились, пришлось долго открывать старые ворота. Неужели скоро можно будет отогреться?

Папа взял Ину на руки и понёс в дом. Сначала были тёмные сени, где стояли бочки и лопаты с граблями. Заскрипев, открылись двери в чёрную комнату с синими от инея окнами. Пещера бабы-яги. Справа стояла печка, занимавшая треть всего жилища, за ней кровать с горкой подушек – единственное белое пятно. Слева – лавки вдоль стены с ведрами и чугунами, в красном углу стоял стол под образами.

На печи кто-то зашевелился, загорелся крохотный фитиль керосиновой лампы, и оттуда высунулись три головы: бабушки, дяди Миши и тёти Тани. С печи не слез никто, наверно, они были не очень желанными гостями.

В избе было холодно! С Ины сняли шубку, меховые ботинки, сразу закутали в тулуп и положили спать на сундук, стоящий между кроватью и печкой. Мама с папой улеглись на кровать. Хотелось заплакать – их никто не обнимал, не целовал, тулуп вонял и кололся. Неужели они будут теперь жить в таком страшном месте?

Всю зиму Ину мучил жуткий холод и голод. К столу подавали молоко с черным хлебом, картошку и щи с противными кусочками желтоватого сала. Всё это не нравилось. Мама варила пшённую кашу и силой заталкивала ей в рот. Здесь в деревне даже о манке оставалось только мечтать. В деревне не было ни варенья, ни фруктов, только белые кусочки колотого сахара, которые мама давала Ине, если она съест ещё ложечку каши. Чуть позже Ина стала есть тёртую морковку со сметаной, к которой в прошлой жизни ни за что бы не притронулась. Даже из-за сметаны маме приходилось ссориться с бабушкой. Папа предлагал Ине квашеную капусту, и сам смачно хрустел ею, закатывая глаза от удовольствия.

Ина помнила, как появились какие-то вши, и мама заставила всех протравить головы дустом, а её обрили налысо. Золотые кудряшки падали на пол, а она ревела во все горло.

Мама успокаивала: – Зато потом твои волосы станут гуще!

Все родственники ждали, когда Иван Ильич купит дом или построит новый. На новый дом денег не хватало, и взять в долг было не у кого: кругом нищета. И старые дома, в которых жили огромные семьи, никто не продавал. О чём думал отец, приняв такое решение? Почему таким чумовым коммунистам, откликнувшимся на призыв партии, не предоставляли жильё или денег на него?

Весной мама, несмотря на недовольное бурчание бабушки, начала выгребать грязь из всех углов и морить клопов. Потом соорудила комод из двух больших деревянных ящичков, в которых хранилось всё китайское добро, и накрыла его, как и обеденный стол, скатертью. На швейной машинке сшила весёленькие занавески. Окна, оттаявшие от толстого слоя льда, были вымыты, и солнышко заглянуло в теперь очень даже симпатичную комнату.

В один из весенних дней на стол были выставлены разноцветные яички в деревянной расписной тарелке, следом за ними появились маленькие куличи, блинчики с творогом и домашняя колбаска.

Впервые в дом бабушки пришло много гостей: нарядные дяди, тёти и их дети. Все улыбались друг другу и говорили: «Христос воскрес!» Это был праздник. Пасха.

Быт деревни пятидесятых годов

Бытом убиты...
(Вальен Т.)

Новый век. Москва. Уютная квартирка. Ина отрывается от экрана ноутбука, идёт на кухню, варит кофе и любит только что сделанным ремонтом. Ей нравится всё: стильная ванная комната, современная кухня со встроенной техникой, просторные уютные комнаты. Жизнь прекрасна. Не верится, что всего пятьдесят лет назад она жила в глухой деревне в маленькой деревянной избушке без всякого комфорта. Но она помнит ту жизнь, помнит деревню пятидесятых годов.

Быт был примитивным и тяжким. Бельё и одежду стирали в деревянном или оцинкованном корыте руками, потому что не было даже стиральных досок. Зимой его полоскали у колодца, а летом – в реке.

Полотенца, иногда и простыни, шили из грубого полотна, которое ткали долгими зимами. Летом на реке его стирали, укладывая на камни и выколачивая грязь плоской деревяшкой-пранником, потом полотняные дорожки раскладывались на травке, где они сохли и отбеливались на солнышке.

На них, уже подсохших, ребятня любила поваляться и погреться после купания, оставляя следы не совсем чистых ног. Никто не задумывался над тем, как тяжело достаётся бабам эта стирка. Бабы ловили поганцев, стегали крапивой по голым местам, драли вихры, но ничего не помогало. Белое или цветное полотно, нагретое солнышком, притягивало к себе магнитом.

Всю еду варили в закопчённых до черноты чугунах или махотках, то есть чугунных или керамических горшках разной величины, от одного до семи литров. Под зевом печки на полках стояли такие же чёрные от копоти сковородки. Всё это засовывали в печь ухватами разных калибров. А уж вымывать все это богатство – сплошное испытание. Из моющих средств – мыло, сода, песок и крапива.

В каждой хате напротив печи у стены располагалась длинная скамья, на которой стояли ведра с водой и остальная хозяйственная мелочь, под ней – пустые огромные чугуны, которые заполнялись картошкой и кормовой свёклой для варки скотине.

С пяти утра вся жизнь женской половины семейства вертелась возле русской печи. Мужчины зимой выдавали сено корове и овцам, выносили приготовленную бабами мешанку свиные, сыпали зерно курам, таскали воду из колодца, расчищали дорожки от снега, ходили смотреть наряд на работу, а летом приводили в порядок орудия труда: грабли, вилы, косы.

Летом косой пользовались ежедневно, ей косили траву на лугах, рожь и пшеницу на полях. Она должна была быть острой, поэтому перед работой её надо было «отбить» молотком на самодельной наковальне, потом отточить. Стук молотков и «вжик-вжик» раздавался в каждом дворе.

К семи часам утра все садились за стол снедать, то есть завтракать. На столе лежал чёрный хлеб, нарезанный огромными ломтями, стоял чугунок с варёной картошкой, а рядом с ним миска с квашеной капустой и солёными огурцами. Душистые картофелины таскали деревянными ложками прямо из чугуна, руками кидали в рот капусту или с хрустом откусывали огурцы. Вторым вариантом завтрака были блины и огромная сковорода жареного сала. В восемь утра все уходили на работу, а мама начинала мыть полы и посуду.

Зимой было так холодно, что вода в ведрах замерзала, а маленькие оконца полностью покрывались толстым пушистым инеем. Печь начинала отдавать тепло только часам к девяти, и окна начинали плакать. Ледяные слёзы стекали по верёвочкам в подвязанные к подоконнику бутылки.

Маленькой Ине спускаться с печки на чёрный грязный пол не хотелось, поэтому еду ей подавали на печь. На печке её и мыли, что было сущим наказанием, так как повернуться было негде. Остальные мылись редко и не на печи, а внутри неё! Как это у них получалось, неведомо. Собственные бани были редкостью.

Ине купили новенькие валеночки с галошами, и теперь она могла выходить гулять. На неё надевали шубку, шапку, туго-натуго завязывали на шее шарф, отчего подбородок задирался вверх, и выпускали на волю. Надменное положение подбородка войдёт в привычку, с которой она и пойдёт по жизни.

Зимняя деревня пустынна, только протоптаны дорожки от каждой хаты к колодцу. И она без малейшего стеснения стала ходить в гости во все хатки, расположенные на их улице. Её приходу радовались, но потом усаживали на скамейку и забывали, а она с интересом наблюдала незнакомую для неё жизнь.

Женщины и малые дети перебирали (скубли) овечью шерсть, вытаскивая из неё грязь и мусор, потом её надевали на огромную расчёску и начинали одной рукой тянуть нить, а другой наматывать её на цевку. У некоторых были прялки с колесом, которое вращали ногой! Зрелище удивительное.

Ткацкий станок она увидела только в одной их хат. Процесс появления из ниток длинных однотонных или цветных дорожек завораживал. Старики плели из ивовых прутьев пузатые корзины, латали дырки на валенках, пришивая на задники дерматин, чтобы галоши не протирали их.

Во дворах кололи дрова для растопки печей, без них торф не загорался. В других хатах вся семья тёрла картошку на самодельных тёрках, сделанных из прохудившихся, потом пробитых гвоздями вёдер, добывая из клубней крахмал.

Один раз за зиму приезжали в деревню специалисты, которые валяли-катали валенки. Это было целое событие. В дом врывались страшные дядьки, командным голосом разгоняли всех по углам, по середине хаты сооружали огромный стол и начинали процесс изготовления валенок. В жутко едком каустическом пару на столе раскладывали овечью шерсть, запаривали её кипятком, мяли, катали и получался валенок!

Года через два появились усовершенствованные керосиновые лампы со стеклом и угольные утюги. Ине нравилось наблюдать, как мама гладит бельё. Сначала она брала утюг, похожий на маленькую печку, в нём разжигала угли, махая им во дворе из стороны в сторону, а когда дым исчезал, начинала гладить бельё и одежду. Ине она доверяла обрызгивать вещи водой изо рта. Как память о цивилизации мама хранила привезённый электрический утюг, который пригодится только через несколько лет.

Истинным наказанием была добыча воды. Сначала её доставали из колодца при помощи сооружения под названием «журавель» – это длинная жердь, закреплённая серединой на столбе. Голова – ведро на цепи, хвост – тяжёлый противовес. Пустое ведро на цепи опускалось в колодец, противовес помогал достать его, уже наполненное водой. Воду переливали в свои вёдра, вешали их на пружинистую деревянную дугу, называемую коромыслом, и на плече несли домой. Нести двадцать литров на одном плече было трудно, поэтому вся эта тяжесть перемещалась на два плеча ближе к шее, пригибая носильщика наполовину к земле. Воды для всего хозяйства надо было много, поэтому для дома приносили два ведра, а для скотины, мытья полов и стирки наполняли бочку во дворе. В шестидесятых годах деревянные колодцы заменят на бетонные и поставят коловороты с цепью, в семидесятых поставят колонки.

Дощатые некрашенные полы мыли тряпкой из мешковины, отдирая грязь веником из прутков, драчом. Если хорошо постараться, то пол желтел и сиял до первого человека, зашедшего в хату. Сапоги или валенки с портянками домочадцы обували утром и снимали только перед сном. Грязь с улицы липла к ним, и на полу сразу оставался след из всего того,

по чему ходил весь день хозяин. Зимой пол мыли редко, после чего мама обычно просила входящих снимать галоши, но утром большой семье, бесконечно шастающей из хаты во двор и обратно, было не до этого.

Мама, избалованная китайскими хоротами и поварскими шедеврами в столовой, долго не могла привыкнуть к такому быту и молча страдала. Главная хозяйка баба Ольга тоже молчала и хмурилась, обучая городскую невестку управляться с хозяйством.

– Не тяни! Перевернёшь! – изредка ворчала она, когда мама пыталась вытащить ухватом из печи огромный чугунок с водой для мытья посуды. – Сначала приподними! Смотри, как надо!

Маленькая полусогнутая, она ловко совала ухват под чугунок, наваливаясь на него всем телом, и вытаскивала его, не пролив ни капли воды.

Ина крутилась под ногами обеих, стараясь тоже заглянуть в жерло печи. Бабушка её иногда шугала, иногда не замечала, и тогда у неё появлялась шишка на лбу от этих дурацких ухватов. Баба Оля была суровым учителем, но и мама оказалась хорошей ученицей.

Поскольку Ина отказалась есть общую еду, мама была вынуждена готовить ей отдельно. Пришлось купить керогаз, чтобы не толкаться вдвоём с бабой Ольгой возле печи. С покупкой керогаза проблем не было, а вот особое меню для дочери приготовить было не из чего, потому что нормы сдачи продуктов государству были грабительскими. Снесли куры яйца или нет, но норму сдать надо. Надой молока от первотёлки маленький, тогда сдай весь. А из чего сметану делать? Не выполнил норму, жди кары. Кары баба Ольга боялась, кур резать запрещала, омлет каждый день – роскошь, как и сметана.

Ина помнит, как по деревне ездил заготовитель на телеге, когда он останавливался перед их хатой, она выбегала к нему первой. Хмурый дядька принимал банку с молоком и специальным прибором измерял его жирность, а яйца просвечивал, возвращая обратно с мутным нутром. Ещё по деревне ездил тряпичник...

Ина продолжала воротить нос от общей еды, и бабушка сдалась, оставляя крынку молока для образования сметаны и десятков свеженьких яиц. Мама теперь кормила её картофельным пюре со сметаной, омлетами, творогом, полученным из скисшего молока, потом приучила есть тёртую морковку с сахаром и гоголь-моголь. Супы на курином бульоне она готовила редко, всё-таки резать кур, несущих яйца, было жалко всем, но их заменял молочный суп. На третьи стали варить взвары из высушенных яблок. Этот взвар нравился ей больше молочного киселя, который делали из крахмала и молока. Она порозовела и перестала болеть.

После того, как мама вывела клопов, Ина стала спать на тёплой лежанке, служившей широкой ступенькой для залезания на печь. Там, в тёмной пещере, спали бабушка, тётя Таня и дядя Миша. В кровати под двумя тёплыми верблюжьими одеялами барствовали папа с мамой.

Бабушку Ина боялась, она была похожа на бабу-ягу: скрюченная спина, нос, достающий верхнюю губу, несколько сохранившихся зубов во рту. Она почти не разговаривала, но много и непонятно бурчала что-то себе под нос, высказывая недовольство. Её слушались все. Потом Ина выросла и поняла, сколько горя и печали пережила на своём веку её бабуля, сколько непосильных трудов легло на её плечи. Уже согбенная и старая, она всё ещё работала на огороде с весны до поздней осени, занималась хозяйством, пока дети были на работе. А тут приехал сын с семьёй и «безрукой» невесткой на её голову, командуют, умными себя считают.

Папа уходил на работу к девяти часам, он чем-то и кем-то руководил, иногда приносил пайки. Только после этих пайков бабушка добрела. Теперь вместо молока можно было пить душистый китайский чай с колотым сахаром, не экономя последний. Консервные банки с тушённой и рыбой открывались по праздникам, как драгоценные шкатулки. Из свежего пайкового мяса мама делала котлетки, отваривала макароны, но только для доченьки. В деревне даже макароны считались дорогим баловством.

Хлеб пекли сами, что было нелёгким занятием. В каждом доме была дежка – деревянная кадочка, в которой на воде и дрожжах замешивалась мука, после чего она ставилась на печку. Утром в подошедшую опару добавляли муку и вымешивали тесто, которое снова должно было распухнуть, подойти. Потом его раскладывали на сковороды и совали в жарко натопленную печь. Через некоторое время испечённый хлеб вынимался, раскладывался на лавке, укрывался рушником и сверху обрызгивался водой, чтобы верхняя корочка стала мягкой.

Белый хлеб пекли только к праздникам, потому что муки высшего сорта было мало. Обычно зерно со своего надела и выданное на трудодни везли на мельницу в другое село, где и мололи. Жерновов на мелкий помол часто не было, радовались и крупному. Белый хлеб из пшеничной муки был роскошью.

Мама осмелела и купила маслобойку, чтобы делать из сметаны масло. Маслобойка представляла собой узкую высокую деревянную кадочку с движущимся внутри вверх-вниз поршнем с дырочками. В кадочку заливалась сметана, с трудом собранная за месяц, и начиналась работа по сколачиванию сметаны в масло. Колотили поршнем по три-четыре часа, пока не образовывался небольшой кусочек масла. Его хранили в холодной воде и смазывали им блины только для ребёнка.

Узнав, что мама шьёт на машинке и вяжет спицами носки с пяткой, варежки с узором и детские шапки с помпонами, её «зауважали», хотя мастериц по кружевам и вышивке было полдеревни. Мама всю зиму вязала, выполняя заказы в обмен на яйца и сметану. Потом мама стала шить на заказ платья, юбки и кофты, что стало дополнительным доходом семьи. Даже баба Ольга стала смотреть на неё по-доброму.

Ина хорошо помнила первую весну в деревне и свой день рождения. Мама нарядила её в шикарное китайское платье и пригласила на праздник её двоюродных сестрёнок и соседских девочек-сестричек, которые жили в доме напротив бабушкиного. Так она подружилась с детьми семьи Балабанов, от которых и получила первые уроки жизни.

Первые уроки

*Не укради.
(Библейская заповедь)*

После дня рождения у Ины появились первые друзья – дети семьи Балабанов. Сам Балабан занимал очень выгодную должность в каком-то «Райпотребсоюзе», поэтому у них был новый дом с двумя комнатами и сенями, покрашенный забор и палисадник, в котором росли цветы. За сараем был даже туалет, сделанный из досок, которого у бабушки Ольги не было. Летом солнышко появлялось сначала на скамейке у их дома, поэтому Ина садилась на неё и ждала, пока Балабан и его жена уйдут на работу, чтобы соединиться с подружками.

Старший сын Яша и три девочки, восьми, шести и четырёх лет, с раннего утра до позднего вечера загружались заданиями. Яша шёл ловить рыбу на речку, девочки убрали дом, подметали двор, копали и чистили молодую картошку на вечер, мыли по два ведра старой из погреба и засыпали в огромные чугуны для варки свинье, приносили из колодца воду и наполняли ей огромную бочку. Только после этого наступала возможность пойти, наконец, в гости к Ине. Но тут приходил с рыбалки Яша и приносил угрей, все начинали их чистить, а потом вспоминали, что надо ещё идти на луг за щавелем.

Ина с огромным удовольствием крутилась рядом с ними, наблюдала непосильные для неё труды. Очень редко, не сделав и половины всех дел, девчонки сбегали в их дом поиграть в невиданные игрушки: плитку, шкафчики со столовой посудой, машинки, куклы. Наступал вечер. Первой приходила с работы Балабанка. Однажды она обнаружила, что бочка для воды пуста, и стала стегать деток вожжами, очень напугав присутствующую при этом Ину.

– Мама их не любит? И меня тоже побьёт? – спрашивала она сквозь слезы свою мамочку, прибежав домой.

– Любит, но бьёт, – вздыхала мама. – А тебя не тронет.

Мамочка, как она любила её! И вдруг однажды мама её предала. А случилось это уже следующим летом. Как всегда, Ина пошла к подружкам в гости и увидела на столе линейку, обыкновенную школьную, которая чем-то её заворожила. Она долго крутилась вокруг неё, потом схватила и побежала домой. Мама сидела за столом и шила что-то на машинке.

– Мамочка, не говори, где я, – умоляюще крикнула Ина, оглушённая своим поступком, и юркнула под кровать.

Тут же следом за ней вбежали три сестрички и наперебой закричали:

– Тётя Маруся, где Ина? Она украла у нас линейку!

Буквально накануне они «спёрли», как бурчала бабушка, что-то из набора игрушечной посуды. Маме пришлось идти и просить вернуть. Детям всыпали по первое число, посуду вернули и запретили ходить в гости. Теперь злорадству девчушек не было предела, и они с пылким восторгом жаловались на Ину.

– Ина под кроватью, – спокойно сказала им мама.

Сестрички ринулись под кровать, где лежала она, свернувшись комочком, зажимая в руке соковище, добытое преступным путём. Её вытащили на божий свет, вырвали линейку и с победным видом удалились, а мама посмотрела на неё очень грустными глазами.

Ина в этот момент впервые ненавидела её. Она, как она могла выдать её?! Они же самые любимые друг у друга! Ещё толком не зная такого понятия, как предательство, Ина прочувствовала его до самой глубины своего существа. А мама сказала:

– Доченька, мне так стыдно за тебя!

– Им можно, а мне – нет?

Совсем не эти слова хотелось сказать, они просто выдавились из неё. Выдавились, потому что душила обида, огромная обида на маму, которая её, родную, выдала не родным!

– Никогда, слышишь, никогда не бери чужого! Никто не любит воришек, даже мамы.

И Ина заревела так горько, и сердцу было так больно. А мама не успокаивала, а продолжила шить, что потрясло ещё больше. И подружки, которые её любили, с такой злобой тащили из-под кровати и больно щипали. И мама не заступилась!

Дня два Ина переживала обиду, а на третий подружки пришли в гости с добрыми улыбками, и от их улыбок обида мгновенно исчезла. Мама посмотрела, как дружной гурьбой они побежали играть на улицу, и весело засмеялась.

Но урок «не бери чужого» запомнился Ине на всю жизнь.

Сестрѐнка Валя Женина

Кумир – это предмет обожания и слепого поклонения.
(Википедия)

На второй день прибытия в деревню открылась дверь, и в избу вошла девочка немного старше Ины с беззубой улыбкой до ушей. Это была Валя, дочь старшего папиного брата Васи. Она стала для неё на много лет подружкой, поводырѐм и защитницей в незнакомом деревенском мире. Незаметно Валя заменила ей даже маму и очень скоро превратилась в кумира. Так сказала мама папе, а Ине она объяснила, что кумир похож на Бога, которому молится баба Ольга.

Как диковинную куклу водила Валя нарядную младшенькую двоюродную сестрѐнку по деревне и показывала всем. Деревенские бабы разглядывали её, щупали «порепаными»² пальцами тѐмных рук нежную ткань платьев с вышивками и кружавчиками, просили прочесть стихи, спеть китайскую песенку и охали. Летом они с ней и другими девочками играли чаще всего на чердаке, строили свои комнаты, готовили праздничные обеды из яблок и угощали гостей. Валя бдительно следила за сохранностью всех игрушек Ины, иначе деревенские девочки давно бы их растащили.

Яблоки... Дети начинали их есть ещё в зачаточном состоянии. Крошечные зелёные яблочки были горько-кислыми, но они поедали их с нездоровым аппетитом, потому что за зиму у детей накапливался огромный дефицит витаминов. Поедалась вся первая зелень, начиная от кислицы, заячьего чеснока, щавеля, первых пѐрышек лука. Потом приходила очередь раннего турнепса, корма для свиней, оранжевых хвостиков прореженной морковки. Но зелёные яблочки диаметром в сантиметр Ина вместе с детьми пожирала больше, чем сотни плодужок. А понос после этого пиршества к тому времени уже не считался болезнью.

Дом Вали находился на другом конце деревни. Она, как и все дети, была загружена делами. На ней висели два младших брата-карапуза Витя и Миша, стадо гусей, два козлѐнка с козой. Утром она выгоняла гусей на луг, привязывала там же козу верѐвкой к колышку, отпускала на волю братишек и принималась за множество дел, наказанных мамой. После их выполнения она бежала к Ине.

Мария Михайловна долго наблюдала за их играми и поняла, что только Вале можно доверить своего несмышлѐного ребѐнка. Ина однажды услышала, как мама, разговаривая с папой, сказала:

– Удивительно, она старше Ины на два года, а такая самостоятельная и ответственная.

– Так в деревне все дети такие, – рассмеялся отец и добавил, – пора и нашу дочку отпустить на волю.

И мама разрешила Ине самостоятельно ходить в гости к сестрѐнке на другой край деревни. В обед они несли на луг козе с козлятами ведро с пойлом, забегали на речку искупаться, потом обедали, играли, а вечером шли разыскивать гусей и гнали их домой, захватывая козу с козлятами. Дома обычно начинался самый настоящий переполох. Надо было успеть нарвать крапивы за сараем, порубить топором, смешать с мукой и наполнить кормушку свиньи и тазик гусей, напоить козлят, найти братьев.

Они ставились по очереди в корыто с холодной водой и отмывались от пыли и грязи. Малыши экзекуцию выносили молча, уже чистенькими садились за стол, уминали по краюхе чѐрного хлеба с молоком из алюминиевой кружки и залезали на печь. А их старшей сестре надо было ещё постирать в той же холодной воде их одежду.

² Порепаные пальцы – потрескавшиеся от работы на земле.

От Вали Ина, избалованное и капризное чадо, тоже получила незабываемые уроки. Однажды они играли в догонялки во дворе дома, развеселились и разошлись не на шутку. Валя упала, а она схватила её за косы и поволокла. У неё и мысли не было, что это очень больно, пока то же самое не проделали с ней.

Был шок от боли и обиды, зато мгновенно пришло понимание, через какие границы лучше не переходить. Она и до этого случая смотрела на старшую сестрёнку с восторгом и обожаем, а после такого жестокого урока Валя стала для неё непререкаемым авторитетом. Ещё одна заповедь была вбита в её голову: не делай больно другим, чтобы в ответ не сделали больно тебе.

В деревне был один единственный пасечник, которого считали куркулём. Он возил мёд на рынок и, видимо, был очень богат. Деревенским его цены на деликатес были не по карману. Основным лакомством для большинства детей были «мазонки»: ломоть чёрного хлеба, политый подсолнечным маслом и посыпанный крупной солью, так как мелкой здесь отродясь не выдывали. В магазине она, грязно коричневого цвета, хранилась в огромном ларе. Ещё в магазине продавали спички, мутное подсолнечное масло из бочки, ржавую селёдку и сахар большими кусками. Считалось счастьем покупка подушечек-карамельек, слипшихся от долгого хранения, или печенья, отсыревшего и пахнущего плесенью.

Однажды дядя Вася помог в чём-то пасечнику и получил баночку мёда. Ина помнит, как взяла большую ложку, а Валя сказала строгим голосом: – Мёд ложками не едят!

Ина тогда беспрекословно подчинилась авторитетному указу и стала, как и сестра, скромненько макать блином в лужицу мёда на тарелке. Дома она спросила у мамы: «Почему нельзя есть мёд ложкой?» Мама засмеялась и ответила, что большими ложками не едят ещё икру, чёрную и красную.

Ина икру не помнила, зато помнит, как Валя закручивала верх чулок на палочку, чтобы не сползали вниз. У Ины был пояс для чулочек, она никак не могла понять, почему у Вали нет такого. В доме старшей сестры она впервые взяла в руки веник и научилась подметать пол.

Тётя Женя, мама Вали, была красивая, стройная и строгая. Поражал цвет её глаз, неописуемо небесный, какой с трудом найдёшь в палитре синих цветов. В роду их семьи почти у всех глаза были просто голубые, у кого светлее, у кого темнее, а цвет глаз тёти Жени завораживал светлой лазурью неба ли, моря?

Могучий молодец Вася с кудрявым русым чубом привёз её из очень далёкой деревни после долгих ухаживаний. Вся история их любви была похожа на красивую сказку. Тётя Женя, гордая и независимая от любых пересудов и сплетен, завоевала искреннее уважение односельчан, но ни с кем близко не сходилась. Она редко улыбалась и никогда не смеялась так залихватисто, как её мама, и была похожа на Снежную Королеву из книжки с красивыми иллюстрациями. Даже её дочку в деревне звали Валя Женина, а не Васина.

Дядя Вася побаивался как её словесного осуждения, так и недовольного молчания. Тётя Женя была родом из зажиточной семьи, поэтому ей было трудно привыкать к жизни в хатке с одной комнатой. Но даже в одной комнате всегда был идеальный порядок.

Лет через пять дядя исполнит желание любимой жены и построит новый дом, сарай, баню – всё, как у всех, но чуть лучше. Валя под руководством мамы умела и еду приготовить, и дом убрать. В их семье подвести мог только дядя Вася.

Помнится, приходят они с Валею в их ещё старый дом перекусить, а дядя Вася не на работе! Сидит он у окошка, и слёзы текут по его щекам...

– Пап, что случилось? – спрашивает Валя настороженно. – Может, что с Иваном?

Старшего сына Ивана проводили служить по традиции в морской флот, попал он в Находку, где и остался после службы. Письма от него ждали месяцами, каждый день встречая почтальона с огромной надеждой на весточку. Ожидание, особенно тёти Жени, было таким

сильным, что отзывалось даже в её детском пустом сердце. Ина представляла тётю голубицей из сказки о Василисе Прекрасной, которая летит через леса и моря к своему сыночку Ванечке.

На вопрос дочери дядя Вася ответил философски:

– Если от сынка письма нет, значит, у него всё хорошо. – Потом всхлипнул и страдальчески сказал, – А вот муху, доча, жалко... Смотри, застряла между рамами и скоро помрёт.

– Муху тебе жалко, а маму не жалко? Увидит тебя пьяным, расстроится. Ты же обещал!

– У кума был, поросёнка резали. Как не выпить? И домой «свежатинки» принёс. Доча, и мамку жалко... и мушку жалко... и письма нет... и мамка будет ругаться.

– Так лезь на печь и засни, а я скажу, что ты приболел, – нашла выход Валя.

– Вот, молодец, доча, спасибо. Хорошо придумала.

Дядя Вася утёр слезы, последний раз постучал пальцем по второй раме, вставленной под зиму, за которой билась в предсмертных муках довольно жирная муха, и заплетающимися ногами побрёл к печке. Только тогда Ине стало понятно, как на деле можно любить и беречь маму.

Подражала она Вале во всём. Та могла спокойно поцарапать или порезать палец и не заплакать: сорвёт подорожник, плюнет на него и на рану прилепит. Пошли по ней бородавки висячие какие-то, так она перевяжет их ниткой, а через день-два те отваливались сами, даже ранки не оставалось. Ина искала у себя такие же, но не нашла. Валя научила её ходить босиком. Идут они на луг за щавелем сразу после дождя, Валя шлёпает босыми ногами прямо по огромным тёплым лужам, а ей, обутой в красивенькие туфельки, приходится их обходить. И луг мокрый...

– Да сними ты такую красоту! На праздники будешь обувать. Ходи босиком! – говорит сестричка.

– Я пробовала, но уколола ногу. Было очень больно!

– Привыкай!

И Ина привыкала. Года через два она уже могла ходить босыми ногами по жнивью, которое топорщилось иглами скошенной ржи или пшеницы, а сухие колючки осота впивались даже в огрубевшие пятки. Уже скоро Ина превратится из неженки в нормального деревенского ребёнка.

Развела их разница в возрасте. Валя стала ходить в клуб на танцы, потому что выглядела очень взрослой, но её негласная защита чувствовалась всегда. Потом она поступит в техникум, очень удачно выйдет замуж за высокого стройного молодого человека, и её замужество обратит легендой.

Сначала будущий муж долго ухаживал за её подругой по комнате, красивой вертихвосткой: кровать вечно не прибрана, обеда приготовить не может, только танцует и кавалеры в голове. И пригляделся парень к её подруге с голубыми глазами и пышными пшеничного цвета волосами, которая уступала по красоте подруге, но умела и готовить, и порядок в комнате навести. Пригляделся... и женился! Так говорили бабы на свадьбе, мол, жених сам им рассказывал.

Выросла и Ина, уехала из тихой деревеньки, закрутилась собственная биография. Только из писем матери она узнавала все новости маленькой родины.

Очень важным событием был приезд из далёкой Находки Ивана, о чём в последнем письме написала мама. «Работа у него денежная рыбацкая, навёз подарков. Женя и Вася счастливы были свидеться со своим сыночком.

Но Иван приехал домой помирать: сильно простудился на путине, а лечение у врачей не помогло. Женя, оказывается, знает множество народных рецептов. Ваню парили в бане в большой бочке в травах целительных, поили отварами, и уже через неделю он пошёл на поправку».

Ина прочитала письмо, взяла на работе отгулы и поехала к родным, только чтобы увидеть легендарного брата и счастливую тётю Женю. Сын привёз ей в подарок необыкновенную овчинную безрукавку: мех вокруг рукавов, вокруг всех полочек и по низу. Где только Ина не искала такую же безрукавку для своей мамы, но в те времена так и не смогла найти, даже в Москве.

Иван оказался красивым и умным парнем, с которым можно было беседовать на любые темы. Он много шутил, смеялся. Но большое горе уже подбиралось к их семье, и случится оно с Вале́й...

Детская дружба сродни любви. Это необъяснимое тайное чувство к старшей сестрёнке сохранится в её сердце на всю жизнь.

Собственный дом

Даже шалаши может стать крепостью, если он свой.
(Вальен Т.)

Вернёмся в конец пятидесятых годов. Жить всем миром у бабушки становилось всё труднее, а свободного жилья не находилось. В деревне было около ста дворов, если умирали старики, то их дома заселялись женатыми детьми, и редко кто продавал всё и уезжал. Наконец, им повезло. Семья Евгена решила уехать на Украину и продавала свою избушку с сараем. Их двор был крайним в тупичке из трёх домов, расположенном дальше от реки и ближе к полям, но близко от бабушки. На покупку этого домика были потрачены все деньги, оставшиеся после Китая. Пришёл конец бабушкиной тирании.

Почему она так невзлюбила маму? Потому что думала, что сын женится на большой и полной женщине, символе благополучия, способной для работы на земле, а он привёз с собой маленькую хрупкую женщину, которую едва ли не на руках носил. Кроме этого, ещё и голову помогал мыть над тазиком! Китайский тазик нежного светло-зелёного цвета с красными розами Ина помнит до сих пор.

– Теперь всё изменится, – радовалась мама.

– И у нас будет туалет? – спрашивала её Ина.

Ей было невыносимо справлять нужду за бабушкиным сараем, где всё было загажено и вокруг противно жужжали огромные зелёные мухи. Так было почти у всех. Обычно позади сарая (за пуней) рыли яму и клали поперёк неё доску, но яма неожиданно быстро заполнялась. Молодой дядя Миша и папа не спешили рыть новую яму, и только зимой, когда наступало много свободного времени, дядя убрал замёрзший слой загаженной земли и сказал:

– Надо убрать, а то весна покажет, кто где срал и чем задницу подтирал, – намекая на Митю, сгинувшего по туалетной причине в Сибири.

Скоро его заберут в армию. Отец с семьёй переедет в свой дом и ему, волей-неволей, надо будет самому заниматься проблемой отхожего места.

– Мама, у нас будет свой туалет? – снова и снова спрашивала Ина маму.

– Не знаю, дочка. Нет ни досок, ни денег на них.

Уже в десятом классе Ина недоумевала, почему колхозник не мог выписать или купить не только доски, но даже горбыль, если всё вокруг колхозное, всё кругом моё, как пели в песне? Кругом леса, но срубить дерево не могли! С огромным трудом огораживали двор со стороны улицы забором, а участок земли при доме отделяли от соседей жердями, привязанными к кольям. Даже эти жерди приходилось тайком рубить в лесу и привозить домой.

Отец все же соорудил отхожее место из деревянного каркаса и ивовых прутьев. Летом он был красив, а зимой никак не спасал от холода и ветра. Первый настоящий туалет-домик с сидением сделал её муж через полтора десятка лет.

– Это не туалет, а памятник! – говорили гости, пришедшие к ним.

– К нему не зарастёт народная тропа, – все ещё острил постаревший дядя Миша, самый прикольный из всех братьев.

Мама две недели вычищала купленную у Евгена «авгиеву конюшню». На полу лежал такой слой земли, что приходилось скоблить его лопатой, складывать в корзины и выносить на огород. Казалось, что до досок они не доскребутся никогда.

После тяжких трудов мама развесила ковры, занавески, картины, расставила статуэтки и повесила в красный угол икону, укутав её в подаренный бабушкой и вышитый гладью рушник.

В деревне испокон века вышивали эти рушники для украшения икон и рамок с фотографиями родственников. Мама умела вышивать только крестиком, ещё в Китае она вышила три картины: на чёрном фоне венок из роз и два букета, а вышивать гладью они учились вместе.

Святой угол с иконами был самым красивым местом в доме, но убранство кровати могло соперничать даже с ним. Для кровати вышивали подзоры. Мама украсила кровать покрывалом с выпуклыми розами, которое тоже связала крючком сама, и четырьмя пуховыми подушками в наволочках с искусным ришелье.

В доме не хватало только традиционного огромного сундука, но его заменили два небольших прекрасно сделанных ящика, в которых привезли вещи из Китая. Мама поставила их друг на друга, накрыла скатертью и получился комод. На нём стояли китайская шкатулка для документов и две статуэтки: «Хозяйка медной горы» и китайка в белом развевающемся одеянии, отделанном золотом, державшая изумительно тонкими пальчиками золотой кувшин. Ина любила разглядывать эту статуэтку из фарфора, она никогда и ни у кого из женщин не видела таких изящных пальчиков с накрашенными ноготками.

А сундука не было. Он стоял в каждой хате и являлся главным достоянием хозяйки. В нём, ярком и расписном, хранили самые дорогие вещи, накопленные ещё предками: цветастые шали и платки, отрезы тканей, одежду и многое по мелочи, лежавшее на полочке сбоку. Открыть сундук и перебрать в нём вещи было настоящим счастьем.

Мама сундук так и не купила. Пока она копила на него деньги, на рынке появились первые шифоньеры. Это случилось в середине шестидесятых годов, когда у них был уже новый дом. И мама его купила, да ещё и с зеркалом! Сбылась её давнишняя мечта. Теперь можно было развесить на самодельных вешалках всю одежду, а на полки сложить отрезы материи и бельё. Из постельного белья особенно красивыми были китайские двуспальные пододеяльники, украшенные вышивкой или ришелье.

К тому времени на парадной стене между двух окон, выходящих на улицу, появилась вышитая крестиком картина девушки с оленем. Каждая уважающая себя хозяйка имела такую картину в своём доме. Вышивали её долго, потом заказывали рамку и вставляли шедевр под стекло.

Если расставить приоритеты по украшению деревенского дома, то на первом месте была божница, на втором месте была кровать с горкой подушек, которая соревновалась по красоте с ярким сундуком. После появления в продаже тюля, преобразились окна, потом появятся круглые столы, покрытые в будние дни клеёнкой, а в праздники скатертью до пола. В такие дни Ина собирала букет из полевых цветов или осенних листьев и ставила его вазу посередине стола. Именно в то время в ней родилось желание украшать любой интерьер вокруг себя.

Пора вернуться в первую купленную хату. Все думали, что Иван – богач, что построит дом пятистенку с двумя комнатами, которые всё чаще стали появляться в их деревеньке. А он, оказывается, беднее некоторых, хоть и носит кожаное пальто и невиданные сапоги, называемые бурками. И мама сначала радовалась отдельному жилью, а потом её стала раздражать одна комната, в которой невозможно было сохранить чистоту и порядок.

Возле печи стояла корзина с торфом и парочка поленьев, всё должно было просушиться к утру. Мусора от них было полно. Не успеешь его убрать, как папа приносит воду в ведрах, ставит их на скамью напротив печи и обязательно расплёскивает. Мама сердится, хватается тряпку и подтирает лужи, но приходит время мыть принесённую из погреба картошку в корыте, и снова вокруг грязь и вода. Как тут сохранить чистоту?!

Справиться с хватками не всегда удавалось, и чугуны в печи переворачивались. Блины подгорали на большом огне, а на малом не пропекались. Самодельный хлеб не каждый раз получался пышным. Мама нервничала, даже плакала, но постепенно научилась всем тайнам приготовления пищи в русской печи.

Вскоре купили корову, за неё расплатились отрезом дорогой ткани и деньгами, которые отдавали частями. Чтобы обеспечить корову кормом на зиму, надо было заготавливать сено всё лето: косить траву на полянках в лесу, сушить, привозить. Во второй половине лета колхоз выделял участки луга, на которых разрешал косить отаву, вторую после сенокоса подростную травку.

Мама с трудом, но привыкла к деревенскому быту, от которого зверели даже многоопытные деревенские бабы. Её огорчала и деревенская речь, которую Ина превосходно осваивала. Деревня находилась рядом с Белоруссией и Украиной. Три языка смешались в один и превратились в непонятно что. Что – чаго, ухо – вухо, туча – хмара, не слышу – не чую, губы – грибы, глаза вытаращила – вочи вылупила, прятать – ховать, ухват для сковород – чапела, пошла – пойшла, завтракать – снадать, ужинать – вячерять, буква ф – хв, как – як, и мат! Многоэтажный.

Мама страдала, а Ине хотелось поскорее научиться этому языку и быть похожей на всех. Потом было очень трудно избавляться от приобретённого диалекта.

Иван Ильич

Непосильные труды на земле контузили многих.
(Вальен Т.)

Отец, Иван Ильич, был честным безукоризненным коммунистом, свято верившим всем лозунгам и программам партии, напечатанным в газетах. Газеты он был обязан выписывать, хотя польза от них была одна: чистить на ней ржавую несвежую селёдку. Честным человеком Иван Ильич останется, а вера в партию вскоре очень ослабнет.

Партия отправила его укреплять колхозные кадры, и он выбрал для этой миссии родную деревню и старался, как мог, по очереди занимая руководящие должности, но «не справлялся». Призванный партией строить коммунизм в родной деревне, он и строил его, не щадя живота своего. В конце концов он потерял последнюю прибыльную должность заведующего свинофермой.

Везде отец запрещал в первую очередь воровать. Слыханное ли дело!? Как можно не взять пару поросят от свиноматки себе в хлев, ведь на рынке они стоили полугодовой зарплаты?! Возмущению свинок не было предела. Получали они за свой непосильный труд копейки, а мизерные премии за выхаживание всех поросят или почётные грамоты были скорее насмешкой. Только сворованные молочные поросята и были счастьем, «сплывавшая трудящихся» на этой вонючей ниве и «активизируя» в какой-то степени. Причём все слои. Их возмущённый ропот был поддержан руководством, и отец стал просто колхозником и периодически депутатом.

Руководство колхоза подсмеивалось над принципиальностью отца, тихим сапом подворывало, обогащалось и отстраивало свои дома. Да и не только руководство, взять хотя бы соседей Бирюковых. Однажды их дочка, с которой Ина познакомилась после переезда в купленный дом, раскрыла ей семейный секрет. У них опоросилась их собственная свиноматка, которую перевели из сарая в хату в отведённый угол. Вокруг неё копошились семь славных поросят.

Ина приходила в гости, любовалась ими и жалела трёх самых слабеньких, лежавших подальше от свиноматки.

– Лера, а почему поросят стало одиннадцать? И куда делись три самых маленьких и больных? – удивилась Ина через два дня.

– Так мама же на свиноферме работает, у них тоже опорос начался.

– Ну и что?

– Мама задохликов отнесла на ферму и поменяла их на здоровеньких, – простодушно призналась подружка.

– А нам как раз продали очень слабенького поросёнка с фермы. Мы его выхаживаем.

– А мы к весне всех продадим на ярмарке за большие деньги! Мама мне приданое собирает к свадьбе!

– К какой свадьбе, если тебе только девять лет? – удивилась она. – И из-за этого приданого у вас каждый раз такая вонь в доме!

– Мой папа не дурак, если завёл свиноматку, – заявила Лера. – И не он один!

«Мой папа тоже не дурак, – с обидой подумала Ина. – Просто у подружки две комнаты, а у них одна». В конце зимы телилась их коровка, её телёночка приносили в дом, чтобы не замёрз. Телёнок пил молочко и постоянно писал. Ей поручалось подставлять ведро, но всё равно в комнате очень плохо пахло.

Какой бы не была истина, но Иван Ильич, из принципа оставался честным коммунистом и поэтому выпал из руководящего состава. Уже через полгода, работая простым колхозником, он неожиданно для себя понял, почём фунт лиха.

Тракторов не хватало, поэтому землю продолжали пахать на лошадях, запряжёнными в плуг, руками и всем телом налегая на ручки этого плуга, чтобы борозда получалась прямая. Сеяли ручным способом: шли с корзиной, висевшей на лямке через плечо, по бесконечному полю и разбрасывали картошку или семена. После появления первых росточков, начиналось боронование, распашка и прополка бороздниками-тяпками.

Сенокос! Мужики машут косой на лугах до вечера, а бабы ворошат подсохшую траву граблями. Потом её, высохшую, надо собрать в копны, а уж из них вилами метать стога. На жаре! Майки на мужиках не выдерживали едкого пота, сгорая за пару недель.

Заготовка торфа для себя – праздник! Почему праздник, если надо вырезать из торфяных недр ручным резаком до двух тысяч штук кирпичей, выбросить их из ямы наверх, сложить пирамидкой, два раза за месяц перевернуть, чтобы быстрее высох, погрузить на телегу, перевезти и сложить в сарай? И всё равно именно резка торфа считалась праздником, потому что для себя работали всей деревней и в одном месте.

К торфу ещё и дровишек надо заготовить. В выходные ждала работа на своём участке, где и зерновые, и огород. Беспросветно тяжело до самой зимы, когда можно и на печи пару часиков полежать, но не больше, ибо своя скотина требовала ухода.

К 65-му году в колхозе появились сеялки, жатки, стало хватать комбайнов и тракторов с насадками, но лошадь и плуг так до конца и не исчезнут из деревенского бытия. Ина помнит, как огромные поля ржи, пшеницы жали ещё серпами – рабский невольничий труд. Даже детей брали на помощь, чтобы снопы перевязывали и складывали в копны. А уж сбор колосков – только детям, цветам жизни: по колючему жнивью босиком. Ина помнит, как снопы зерновых культур с собственного участка молотили цепями, такими крутящимися палками на длинной ручке, потом это зерно веяли на ветру.

С середины шестидесятых годов разрешили использовать комбайны на частных наделах. Обычно поздно вечером или в выходной день мама прибежала домой и кричала:

– Ваня! Я договорилась с комбайнёром, он обмолачивает копны у Нины, потом и к нам заедет. Доставай мешки, а я самогон разолью по бутылкам. Он просит две! Ой, кажется уже едет! Скорей!

В их колхозе сеяли коноплю, которая вырастала выше головы, её рвали, вымачивали, мяли и плели из этой пакли верёвки. В сентябре школьников уже со второго класса посылали помогать колхозу. Ина помнит, как их заставляли прочёсывать конопляные поля в поисках какого-то сорняка и выдирать его с корнем. Пыль жёлтая столбом, головка у деток бо-бо...

Детки, детки. Летом они уже с десяти лет впрягались в работу на своём приусадебном участке, а отцы брали мальчиков помогать распахивать колхозные поля: папа за плугом, сын впереди лошадь ведёт, чтобы шла ровно между свекольными или картофельными рядками.

«Впервые, после столетий труда на эксплуататоров, – писал Ленин, – появляется возможность работы на себя, работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники...»

Техника?! Ха-ха! Работа на себя? За пять копеек в час? Три раза «ха». Недавно, перебирая документы, Ина наткнулась на отцовскую трудовую книжку колхозника, просмотрела и прослезилась. За 1960 год отец отработал 261 день, за что ему начислено 574 трудодня, за них получено 89 рублей, по 45 копеек в день. Ещё продукции колхоза выдано на 152 рубля. Это, видимо, зерно и пару раз в год несколько килограммов мяса. В Интернете она нашла сведения о среднемесячной зарплате по стране в эти годы. Она равнялась 76 рублям в месяц. В колхозе она едва дотягивала до 20 рублей, из них живыми деньгами 7,5 рубля. В 1970 году ничего не изменилось. Даже ей в первый год работы начальником смены на железнодорожной станции

платили 60 рублей в месяц, по два рубля в день. В эти годы минимальная плата самого низкооплачиваемого жителя США была три-пять долларов в час...

В этот день памяти Ина просмотрела и военный билет отца, он вырос от мичмана до полковника, уже запаса. Награждён, награждён... Четыре орденских книжки, семь медалей. С такими заслугами и высококвалифицированной специальностью он мог бы служить и служить родному отечеству в ином качестве и принести гораздо больше пользы. Мог бы...

Ина снова вспоминает возвращение из Китая в Ригу, где отца три месяца гоняли по кабинетам, после которых он возвращался взбешённым и всё крепче сжимал зубы. Честный, принципиальный и взятку не умеешь давать? Верись, что партия – ум, честь и совесть? Пора в колхоз. Припомнился князь Мышкин. С чего бы?

Сначала папа не пускал маму на работу, потому что работа для неё была только в полевой бригаде, а она и со своим хозяйством еле-еле справлялась. Но работать её заставили, потому что тунеядство в советском обществе было уголовно наказуемо. Председатель колхоза пришёл к ним в дом и доходчиво объяснил это Ивану Ильичу. Его жена Мария взяла серп и пошла жать жито, так называли рожь. После пяти часов работы под палящим солнцем она потеряла сознание.

Менее ста колхозников обрабатывали чёртову пропасть гектаров полей и лугов, свиноферму, коровник, овчарню и конюшню. Колхозный ГУЛАГ. Вот тогда отец и решил завербоваться на завод в Сталинграде, где обещали дать жильё. Пожил там в грязной коммуналке три месяца, постоял у станка и понял, что перевозить туда семью нет никакого смысла. В деревне был чистый воздух и картошки от пуза, а галеры что здесь, что там. Работу по специальности с трудом, но можно было найти, только жильём её не обеспечивали. Работать и жить без прописки, снимая для семьи какой-нибудь клоповник, тоже не выход. Так и осталась попытка исправить ошибку и выбраться из колхозного навоза нереализованной.

Как всегда, в выходные дни Иван Ильич брал в руки газету «Правда» и читал уже с отвращением. Съезды и Пленумы КПСС продолжали плести кружева из обещаний прекрасного будущего для всего народа и каждого человека, только он больше им не верил.

Надо сказать, что раньше Иван Ильич не пил, позволяя себе лишь несколько рюмок в праздники. Ина никогда не видела его пьяным, он никогда не ругался матом! Через пять лет жизни в деревне Иван Ильич запил, начиная с маленькой стопки.

В деревне пили все. Делали брагу из картошки и солода, а по ночам гнали из неё самогон в появившихся, наконец, банях, построенных на задах, то есть в конце приусадебных участков. Делали это тайком. Уж не самогон ли стал причиной постройки бань, а не желание помыться раз в месяц? Рецепт приготовления браги она запомнит на всю жизнь.

Самогоноварение

*Такая нам досталась доля – нам не прожить без самогона.
(Автор неизвестен)*

Самогоноварение – это целый обряд. Его конечный результат, запрещённый партией и правительством, производили темной ночью в бане в конце огородов.

- Мама, почему бани строят так далеко от дома?
- Чтобы при пожаре бани он не сгорел.
- А разве не потому, что боятся милиционера, когда самогон гонят?

Начиналось сие противозаконное и потому тайное действие с приготовления «затора». Сначала на влажной тряпке на печи проращивалась рожь, превращаясь в солод, который потом толкли в ступе. Ступу описывать нет смысла, картинка её есть в каждой сказке про Бабу-Ягу. Потом в деревянную бочку или большой бидон заливали настоем хмеля, добавляли мятую варёную картошку, солод с дрожжами и закутывали на десять дней. Вскоре брага начинает «гулять», бухтеть. Через положенный срок её пробовали на вкус: если не сладкая, то можно гнать самогон.

В бане брагу заливали в огромный чугунок для нагревания воды, встроенный в печь, и накрывали чугуном поменьше с дыркой на дне. В эту дырку вставляли трубку, проходящую через корыто с водой. Все щели между чугунами и трубкой замазывали глиной, после чего разводили в печи огонь. От нагревания глина лопалась и пропускала драгоценные пары, поэтому потом щель стали замазывать хлебным мякишем, который их не пропускал.

Главный и вечный страх, чтобы не взорвало! Огонь под брагой с трудом поддерживали в нужном режиме, посему сидели рядом с аппаратом постоянно, а именно пять-шесть часов.

Потекла первая струйка! Крепость проверяли, поджигая самогон в алюминиевой ложке. Синий долгий огонь означал крепость, и горе – если короткий и непонятно какой. Не удалась самогоночка. А трудов сколько!

Трёхлитровые банки-бутылки с самогоном опечатывали и прятали, потому что могли по доносу прийти из милиции, найти их и оштрафовать, даже арестовать. Увы, припрятанное достояние мужики часто тут же распечатывали и уходили в запой.

А для чего гнали, спрашивается? Для свадеб и похорон, для праздников и поминок, для посевной и жатвы. Бутылка самогона была эквивалентом денег, которым расплачивались за любую помощь и услугу. Огненная вонючая вода в деревне нужна была для жизни... и для смерти.

Вначале было слово:
– Ваня, не пей!

Фраза въелась в мозг навеки. И потом уже, приезжая в гости, Ина слышала это слово, требовательное и просящее, угрожающее и умоляющее. Вопиющая в пустыне мама. И в ответ:

– Марийка, налей!

Отец уходил в nirvanу не очень часто, но на два-три дня, обычно после праздников, и редко – по душевному порыву. Первый день отрыва от действительности после праздников проходил молча. На второй день перед завтраком он садился за стол, раскрывал газету «Правда», читал, потом с отвращением откладывал её в сторону и отказывался завтракать без стопки самогона.

Мать настороженно наливала её, демонстрируя отцу почти пустую бутылку. Но отцу на старые дрожжи хватало сначала и одной стопки, чтобы начать своё протестующее выступление, длившееся до обеда. К этому времени искра возмущения гасла, а он ещё и половины не сказал из того, что хотел, поэтому вежливо просил маму налить вторую стопку.

На третий день, выпавшись, он сидел за столом с последними каплями в рюмке, предусмотрительно оставленными накануне, но даже их хватало, чтобы окончательно расслабить внутреннюю пружину так и не успокоенного разума.

Это был уже не простой колхозник и кристально честный коммунист, это был трибун! Он клеймил безответственность и вороватость местных начальников, потом неразумную политику верховной власти. Сначала громогласно, потом доходил до таинственного шёпота и снова взрывался криком.

После того, как Ина наизусть выучила стихотворение Лермонтова «На смерть поэта», она вставала рядом с отцом и возмущённо вопрошала вместе с ним:

– А вы, надменные потомки... Свободы, гения и славы палачи... Таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда – всё молчи! Но есть и божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд, он не подвластен звону злата!

Отец как-то сразу трезвел, недоумённо слушая обличительные слова, обращённые дочкой в угол с ухватами, на некоторое время замолкал, а потом повторял, уже рыдая:

– Но есть и божий суд! – и грозил пальцем тем же ухватам.

Лет через тридцать Ина увидит на телеэкране выступления Эдуарда Радзинского. Отец в своих выступлениях его эмоционально превосходил.

Третий день заканчивался обычно воспоминаниями о Кронштадте, морских боях. Отец оплакивал всех погибших друзей и успокаивался надолго, до очередного праздника. Когда он, наконец, выпил свою цистерну, знамя, упавшее из ослабших рук, поднял его сын. «И повторится всё, как встарь...»

Отец мог прожить до ста лет. Он ничем не болел, кроме нажитой трудом грыжи. Но система забирала самое главное в человеке – достоинство, он без этого стержня валился, сгибался, утекал... в бутылку.

Потом случится Чернобыль, и у брата родились дети, дети радиации. Отцу «повезло» скрыть семью от цивилизации и её пороков в самом глухом, но чистом краю, но её достали и там.

Дети братишки... Их жаль отчаянно. Вот после этого брат и стал прикладываться к рюмке, зато бросил пить потрясённый отец и всю пенсию стал отдавать сыну.

Так в чём корень зла? В самогоне, который служил обменной валютой во времена натурального хозяйства? Валютой, потому что за очень тяжкий трудовой день платили гроши, которых не хватало не только на жизнь, но и на смерть? В самогоне, который был единственно доступным антидепрессантом? Или корень зла был во лжи и демагогии КПСС, день ото дня лишавшей народ веры в озвученные ею идеалы свободы, равенства, братства и справедливости? Питие было единственно возможным протестом простого народа против этой лжи, и уже следствием того, что вымерли самые работающие и честные его представители. Пока они верили, шли в самое пекло и побеждали. А если вспомнить коллективизацию, когда уничтожались самые хозяйственные и самостоятельные мужики? О-хо-хо, страна моя родная, много в ней не только лесов, полей и рек, но и дури у властей.

Сейчас, когда она пишет эти строки, на дворе двадцать первый век. Что изменилось? Много, но... Не прошло и полвека, как вымерли колхозы, не стало как класса рабочих. Не стало Иванов-дураков, на которых ехали и погоняли.

Конец двадцатого века. Перестройка. Верхи делят власть, хаос и разруха всего народного хозяйства, построенного с таким трудом и с такими жертвами. Человеческий капитал – снова не капитал. Работать негде. И снова человек поставлен властью на колени, и снова пьёт от отчаяния и безнадёги, и мрёт по миллиону в год на протяжении двадцати лет.

Капитализм в России. Снова! И это тогда, когда цивилизованное западное общество уже заклеямило этого монстра и искало выходы к социальной справедливости. Пример: Швеция, Финляндия. А в России – дикий капитализм! Ура!? Хозяев появилось много, а кто на них

будет работать? Одни на кладбищах, другие больны... с детства, третьи отказываются работать за копейки.

Приехали, господа. Ни Союза, ни мужика. Только одинокая мать с баулами заграничного барахла на горбу вытаскивает своих детей из голода. И правят ею теперь самые живучие и бесчестные люди, которые так много награбили и наворовали, что можно никого и ничего не бояться.

Смотрит на это безнаказанное безобразие народ и начинает пить... В вымирающей деревне снова вернулись к натуральному хозяйству и уже «квасят» так, что дрожжей не хватает. А работники нашлись: неграмотный Восток. Только рушатся вновь построенные дома, ракеты попадают в гражданские самолёты, в последние и попадать не надо, сами падают. Зато у образовавшейся элиты свои надёжные новенькие лайнеры и виллы из настоящего бетона.

А если заглянуть в историю, то становится очевидным, что любая власть выращивала для себя рабов, промывая мозги и зомбируя религией или идеологией, заточенных на это. Во все времена! Рабы иногда бунтуют, группками и порознь, иногда и очень редко всем кагалом, тогда уже случается не бунт, а революция. Главное, что заканчивается всё одинаково: знаменосцы свободы расстреляны, безнравственные грешники у власти. И не разорвать этот магический круг никогда.

Ина, попыталась разобраться в истории бунтов, начиная с допетровских времён. Сначала князья, а потом цари обкладывали кабальными поборами народ, поражая своей беспредельной жадностью. Дикость феодального строя была понятна. Но почему при советской власти жизнь народа не стала легче? Почему правители при любом строе доводят свой народ до точки кипения, до беспощадного бунта, который ослабляет страну на благо врагам? По истории России юмористы уже сделали вывод, что главный русский инструмент – грабли, а из всех прав человека наибольшего успеха у нас достигло лишь крепостное, при котором легко управлять народом.

Сталин научил работать с энтузиазмом даже за копейки, но на этом страхе до коммунизма не дотянули. Для этого нужен технический прогресс, а откуда он появится при всех признаках феодальных отношений в стране, строящей коммунизм? Казалось бы, чем лучше ты образован, тем выше благосостояние, а в Советской стране никто не гордился званием инженера, настолько жалок был его доход. И никто не заикался о праве на достойную жизнь, смутно представляя её в обещанном светлом будущем. А как иначе? Мы единственные в мире строим справедливое общество в окружении врагов! Мощно! Красиво! Ядерная энергия и космос!

Потом случится перестройка, покончившая не только с техническим прогрессом, но и с самим производством. Народ онемевает, ничего толком в ней не понимая. Потребуется не менее четверти века, чтобы он, в основной своей массе, понял, как его подло обманули. Увы, чтобы сплотиться в силу, способную выступить в защиту своих поруганных прав, он ещё не созрел и неизвестно, когда созреет. «Никогда!» – ответили весёлые парни из «Квартета И» в одном из своих спектаклей, на которые народ валом валит и смеётся до слёз.

Куда это её занесло из пьющей деревни пятидесятых?! Не прошло и полсотни лет, как тысячи деревень исчезли с лица российской земли. В это трудно поверить. Неужели отправной точкой гибели глубинных корней российской державы стало самогоноварение? Выгнать и выпить после каторжного труда самодельного антидепрессанта – невинный грех. А великий и непростительный грех – отбить этим труженикам всякое желание работать на родимой земле, строить дома для себя и детей, чтобы оставить их рядом с собой и гордиться этим.

Мир давно изменился, не оставив шансов деревне, а Ине хочется, чтобы она возродилась, вопреки всему. Она знает, что многие горожане готовы уехать в деревню, чтобы растить своё потомство на свежем воздухе и экологически здоровой пище. В Москве в каждом округе до семисот семей уже десятки лет стоят в очереди на получение своего куска земли, готовых превратить его в сад. Пока готовых, потому что им приходится есть отравленный химией про-

дукт с китайских плантаций, а потом умирать от рака после сорока лет... Из знакомых Ины уже пять человек так ушли из жизни.

И снова народ погубит не военная мощь противника, а тихий и безнаказанный террор производителей продуктов, наполненных химическим ядом, и отравленная вредными выбросами экология. Самогон по сравнению с ней – бальзам.

Братья

Нам песня строй пережить помогает...
(Народный юмор)

Итак, вернёмся туда, в колхоз «Заветы Ильича», его вольным рабам, пока живым и, вопреки всему, сохранившим способность быть счастливыми. Родители Ины были ещё совсем молодыми и любили повеселиться. После приезда в деревню их часто приглашали в компании, состоящие из колхозной верхушки, кроме этого отец играл роль «свадебного генерала» почти на каждом деревенском торжестве, а праздничные дни отмечали с семьями братьев: Васи, Гриши и Миши.

Вася был ниже младших братьев, зато в плечах – косая сажень, кудри русые, глаза голубые. Очень добрый и совершенно бесхитростный, он обожал свою жену Женю. Было у них четверо детей, Иван, Валя, Витя и Миша.

Младший брат Михаил, высокий и красивый, знал много фокусов и пел песни на концертах. У него и жены Нины было два ребёнка, Зина и Коля. Семейная жизнь у них состояла из сплошных ссор и примирений. Характер у Нины был жёстким и требовательным, после ссор она могла молчать неделю, две. Ничего страшнее этого молчания для Михаила не было. Ни одна жена в деревне так строго не наказывала своего мужа, поэтому Нину осуждали, а Мишу жалели.

Средний брат Григорий был высок, худощав. Одно лицо с актёром Александром Лазаревым старшим, которого Ина увидит на экране лет через десять. Она помнит дядю Гришу добрым и весёлым, но с годами характер его изменился, стал взрывным и непредсказуемым. К этому времени старшая дочь Вера уедет учиться в Москву, сын Анатолий уйдёт в армию, а тётя Таня с оставшейся дочкой Валей будут стоически переносить всплески его мрачного настроения.

Братьев на селе уважали. Только однажды найдёт коса на камень, и братья Макаренко поссорятся с братьями другого уважаемого рода. Случилось это во время одного из продолжительных праздников, когда пьяный мужик задирист и всемогущ. Всю ночь шла суматошная погоня одних за другими. С топорами!

С чего началось, никто толком не знал, но в кромешной тьме Григорий и Василий, будучи без опознавательных знаков, отдубасили друг друга и разругались на долгие годы. Григорий будет заходить к Ивану и Марии в гости, а Василий, по этой причине, перестанет это делать. Только дети и жёны будут общаться, как ни в чём не бывало. Ине тогда было лет семь, и она продолжала бегать к дочке дяди Гриши Вере в гости, чтобы вместе нянчить её младшую сестричку, а чуть позже у Веры появится братик Толя.

Иван Ильич не уступал по красоте Мише: высокий стройный русоволосый с правильными чертами лица и голубыми, как небо, глазами. Отличался он от братьев очень ранимой душой, не способной на пустячные для деревни зверства: отрубить петуху голову, убить колотушкой кролика. Натуральное хозяйство требовало этого, а у отца рука не поднималась. Просить о такой малости соседа было стыдно.

И вот отец берёт в одну руку топор, в другую руку мама даёт ему трепыхающуюся и орущую дурниной птицу, и ему ничего не остаётся делать, как взмахнуть орудием убийства! Обезглавленная тушка сначала падает на землю, потом вскакивает и бежит по двору. Ина с ужасом наблюдает за этой картиной из окна. Потрясение сознания до самых основ, увы, не первое...

Обычно до или после Нового года приходила пора резать свинку. На такое действие не каждый деревенский мужик был способен, тем более Иван Ильич. Зато прекрасным специ-

алистом этого дела оказался Григорий, который встречался на Финской войне с врагом лицом к лицу, поэтому рука у него была твёрдая.

Первого поросёночка папа с мамой купили на рынке весной, когда Ине было лет восемь, и она его очень полюбила. Поросёночка часто выпускали из сарая во двор побегать. Он носился, как заведённый, восторженно хрюкая, а Ина бегала за ним и от счастья тоже повизгивала.

Прошло лето, осень, наступила зима. Скоро Новый год. В один из этих предновогодних дней уже большого поросёнка выпустили во двор, а ей запретили выходить из дома. Ина ничего не поняла, а потом услышала душераздирающий визг любимого друга, от которого у неё чуть не остановилось сердце. Она, вопреки запрету, выскочила во двор и увидела его мёртвого, лежащего на снегу, и кровь...

Это трудно было осознать, поэтому Ина впала в прострацию. Кстати, отец и мать тоже выглядели очень бледными, но маме хватило сил похвалить деверя за то, что у него сильный характер и твёрдая рука. Ина стояла над убитым другом без слёз, она словно умерла вместе с ним.

Второго выращенного поросёнка лишили жизни без неё, мама всё-таки заметила её психологический шок в первом случае. Но в деревне к таким вещам быстро привыкаешь. Ина уже спокойно наблюдала, как опаливали соломой тушу, как разделявали её, укладывая куски сала в ящик просаливаться, а куски мяса заливали в банки растопленным нутряным жиром и ставили в печь. Потом их, остывшие, хранили до праздников. И мама уже просила её помочь: принести – подать.

Вот только к разделке потрохов она никак не могла привыкнуть, даже мама бледнела перед такой работой и сначала приглашала помощниц, чтобы вместе очистить кишки и начинить их мясом, салом, чесноком и сделать колбасу.

Для любой деревенской семьи весь этот процесс сначала был трудным и хлопотным, но потом заканчивался праздником, потому что можно было насладиться не только запахом жареного свежего мяса, но и его вкусом. Итак, все садились за стол, и начинался пир, после которого провожали «киллера», отблагодарив его парой кусков сала и мяса. Так повелось.

До ссоры все четыре брата собирались у них дома и, выпив по паре стопок самогона, начинали петь так, что содрогались стены. Песня «Ревела буря, гром гремел...» запомнилась лучше остальных, потому что это было великолепное исполнение на четыре голоса. Пели «Вечер на рейде», «Бродяга».

Малопьющего брата Ивана брали на «слабо», и он стал пить наравне со всеми, постепенно находя в этом всё, что просила его душа – свободы. Свободы от обид, нищеты, непосильной и грязной работы, невыносимой тоски в этом богом забытом месте, где поначалу не было даже электричества. Остановил его первый инфаркт, случившийся после шестидесяти лет. А мог и умереть, подтверждая ужасную статистику: в России мужчины умирали, не доживая до пенсии.

Ина помнит братьев молодыми, красивыми и добрыми. Жизнь постепенно изменяла их, иногда до неузнаваемости. Так случится и с Михаилом, когда его дети вырастут и уедут, а жена умрёт от рака. Он тосковал, но справлялся с хозяйством сам. Потом ему выделили дополнительный участок земли рядом с огородом родителей, на котором он выращивал картошку. Мама Ины, как ни билась, не могла достичь такого большого урожая, как у него, а Михаил только посмеивался, но тайну хранил. Потом выяснилось, что он подкармливает картошку химическими удобрениями. В нем ещё жил фокусник, желающий удивить всех, а потом и он в нём умрёт.

В один из её приездов к родителям в гости Михаил зайдёт в дом, и она его едва узнает: лицо тёмное, заросшее щетиной, взгляд отрешённый. Он поздоровается и попросит позвать

маму. Она выйдет к маме на огород, а когда вернётся, его уже не будет. Только на другой день они обнаружат, что с комода исчез одеколон.

Вскоре после этого Михаил забросит выделенный участок, он начнёт зарастать травой, и мама попросит обменять его на свой дальний земельный надел: всё равно пропадает. Михаил откажет.

Чувство братства сыграет не последнюю роль в решении отца поселиться в родной деревне, но это чувство лет через десять куда-то исчезнет. Возраст ли, беды, подкосившие сначала семью Василия, потом Григория и Михаила, станут причиной отчуждения? Кто знает... Но перед глазами Ины так и стоят, обнявшись, четыре богатыря и поют так слаженно и красиво, что душа радуется.

Праздники и торжества

*Праздник без выпивки —
что человек без праздника.*

(Минченков А.)

Праздники остались там, в голодной жизни. Они были настоящими, едва ли не единственным чудом нищей деревни. Гуляли по неделе, выпивая и поедая то, что собиралось на протяжении года и хранилось исключительно для них.

В конце 60-х годов праздничный стол стал богаче, потому что колхозникам разрешили, наконец, сдавать государству молоко и яйца на добровольных началах. К залитым жиром колбасам и мясу, добавились самодельная лапша и блинчики с творогом, политые сливочным маслом или сметаной, у некоторых – копчёные окорока, приготовленные в самодельных коптильнях. Это уже был деликатес.

В те далёкие времена Рождество официально игнорировалось, поэтому дети ходили колядовать на Новый год. Баба Ольга детей на порог не пускала, поэтому колядки Ина впервые увидит после переезда в свой дом. В Новогоднюю ночь раздался стук в дверь, мама её открыла, и в избу с мороза ввалилась кучка детей с песенкой: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю. В поле ведром, в доме добром». Дети пели и одновременно разбрасывали по полу зерно. Мама с улыбкой одарила их семечками из тыквы, печеньем и даже конфетами. В детстве отец Ину на «колядки» не пускал, а взрослыми они, было дело, дурачились.

Настоящая жизнь в деревне начиналась весной. Ждали Пасху и Троицу. Пасха в деревне была незабываема, и подготовка к ней начиналась загодя. Сначала снимались все занавески, рушники и стирались. Стены, потолок и печь, почерневшие и закоптившиеся за зиму, покрывались свежей побелкой. В чистый четверг шли в баню.

В их семье тоже появилось это страшилище. Таковым она осталась для Ины до самого конца пребывания в деревне. Вечером по тропинке, заросшей тыквами с огромными колючими листьями, надо было брести в конец огорода, где в бане мама с папой уже ждали её. Экзекуция начиналась. Ину заставляли залезать на полок, где совершенно нечем было дышать от жары, и начинали хлестать веником. Она задыхалась и орала, ор переходил в истерику. Оздоровительной процедуры, каковой папа считал баню, не получалось. Кое-как вымыв и обдав на прощание холодной водой, мама передавала её отцу, который уносил домой полумёртвую строптивую дочь. Чуть бы меньше фанатизма, меньше раскалённого пара и, может быть, дочке понравилась бы эта русская чёрная банька. Ина долго просила родителей, чтобы ей разрешили просто мыться после всех в почти остывшей бане. И они ей позволили, скорее – смирились. «После всех» означало, что в истопленную баньку приглашались родственники или соседи, которые потом приглашали попариться в свою. Итак, последний гость уходит домой и обязательно стучит в окно с криком: «Баня свободна!» На дворе совсем уже поздняя ночь, но она готова была перенести даже ужас самостоятельного похода в баню и возвращения из неё в абсолютной темноте, лишь бы не умереть от невыносимого пекла этой преисподней.

К этому времени в деревню провели электричество, но до бань его не дотягивали, поэтому её встречал мрак, освещённый керосинкой. Её тусклый трепещущий свет отбрасывал на стены причудливые тени, и воображение начинало нагнетать ужас появления привидений, ведьм и леших. В пятидесяти метрах за баней тревожно и устрашающе вздыхал лес, незаметно выросший из тщедушных саженцев, во тьме которого иногда блуждали пары светящихся точек – глаз лис ли, кошек ли, лешаков... До самой старости ей снилась эта первая банька, которую позже перенесли во двор. И в этих снах снова брал в плен мистический страх.

Итак, помывка перед пасхой заканчивалась. В пятницу вешали чистые занавески и рушники, святой угол с образами украшался накрахмаленным тюлем. Потом в обновлённой избе начинали печь куличи. Запах ванили просачивался через трубы и обволакивал предпраздничным счастьем всю деревню. Последними красились яйца. Некоторые ребята исхитрялись и делали «смолянки»: через маленькую дырочку высасывалось содержимое яйца, а потом внутрь заливалась смола.

Пасхальное утро начиналось разговением, вкушением всего, что было недоступно после последнего праздника. Со словами «Христос воскрес – Воистину воскрес» начинался первый день. Потом взрослые наряжались и чинно выходили из дома в гости или начинали накрывать стол для приёма гостей у себя.

Молодняк высыпал на улицу. Возле каждого двора сооружались маленькие горки, с которых катались яйца. Чьё яйцо разбивалось, то становилось добычей. Бились яйцами в ладошках попкой и носиком. Иногда секрет «смолянок» раскрывался, и тогда доходило до драки. Детворы было очень много, ведь в каждой семье рожали от трёх до шести деток. Иногда женщина рожала последнего ребёнка одновременно с первым ребёнком старшей дочери.

Потом молодёжь шла на самое сухое место деревни: в небольшой лесок Гай на песчаном холме. Вокруг шумел паводок, а на холме, прикрытом со всех сторон лесом и кустарником, была настоящая весна. Здесь можно было бегать босиком и даже снять телогрейки. Здесь начиналась большая игра в лапту. Набирались две команды, остальные сидели вокруг поля и наблюдали. Было счастьем бегать за далеко улетевшим мячиком или вдруг заменить тех, кто уходил домой.

Раз в неделю привозили в клуб кино. Индийские фильмы запомнились больше всех: слезы лились из глаз героев, у женщин и детей в зале, даже у мужиков. Старенький клуб трещал по швам. Дети воровали яйца прямо из-под кур и бежали в лавку сдавать. Два яйца стоили десять копеек, которых хватало на две серии. После начала сеанса дети, у которых не было и этой мелочи, лезли в окно, выходящее на сцену и закрытое занавесом, предварительно вынув стекло в форточке. К середине сеанса весь пол был заполнен подростками.

На Красную горку начинался сезон свадеб, и дети бегали посмотреть на них даже в другие деревни. Ритуал был длинным. Невеста в белом платье, в венке из бумажных цветов и множеством ниспадающих с него атласных ленточек должна была обязательно плакать, и они плакали, иногда очень горько. Так было на свадьбе дяди Миши, когда они, племянницы, впервые находились рядом с невестой.

Троица, самый оригинальный праздник, потому что внутри дома все стены украшались ветками берёзы, калины, а пол устилался явором-аиром, росшим вдоль реки тропическими зарослями. Впервые открывались окна, потому что от пряного аромата внутри дома кружилась голова. Дворы, ворота, скамейки возле домов украшались срубленными берёзками.

К этому времени уже подсыхала вся весенняя грязь, и по дорожкам можно было ходить в туфлях. Чаще всего это были страшненькие дерматиновые полуботинки, но даже их берегли только для школы, а с самой ранней весны детвора предпочитала бегать босиком. На праздники все выходили в обуви, девочки ещё и в белых носочках.

Чаще всего застолье на праздник собиралось у них. Заходили кумовья, братья с жёнами или друзья. Это происходило обычно к обеду. Раздвигали и накрывали праздничной скатертью стол, на него ставилась посуда из сервиза, но стопки для вина были уже деревенские. Первые тосты, тихий говор, и уже после третьей рюмки кто-нибудь предлагал спеть.

– Михаил, запевай!

– Какую? – спрашивал дядя Миша.

– Давай «Бродягу», она у тебя хорошо получается.

– Пусть тогда поможет Михайловна, – просил дядя и начинал сначала тихо, как бы пробуя голос, запевать: «По диким степям Закавказья, где золото моют в горах, бродяга, судьбу

проклиная, тащится с сумой на плечах...» Потом его баритон набирал мощь, который поддерживал более высокий голос кумы. Запев заканчивался и – «Бродяга, судьбу проклиная...» – взрывался в повторе хор.

Ина пела вместе со всеми, и душа её скорбела по бродяге, по замёрзшему ямщику или радостно мчалась с казаком на горячем коне к своей возлюбленной. Что ни песня, то история и чаще жалобная. Какими бы ни были эти застольные песни, но они преображали лица поющих гостей: глаза оживали, щеки покрывались румянцем, спины распрямлялись: – Эх, полным полна коробушка! Если совсем расходились, то начинались пляски с выходом, добавляя, с выходом из-за печки, – пространства для плясок не хватало. Тут уж перепляс сопровождался частушками, иногда такими залихватскими, только уши затыкай.

К вечеру все шли в клуб, где гармонист уже вырывал из инструмента развесёлые плясовые. Как узнать здесь тех замотанных в серые платки баб? Все – молодухи! В своих цветастых шальях они кружатся в танцах, и, кажется, что если они ещё поддадут жару, то улетят.

Для Ины праздники, их ожидание, подготовка к ним, потом пиршество и веселье, остались навсегда в том далёком деревенском детстве. Больше никогда в последующей жизни они не приносили столько радости и счастья.

Деревня и её обитатели

За горами, за морями, за дремучими лесами...
(Русские сказки)

В Брянской области недалеко от районного центра Новозыбков берёт своё начало река Снов и течёт на юг через село Истопки, далее её русло проходит по болотистому лугу между деревней Шамовка и селом Чернооково, далее – через село Брахлов и уж совсем далеко на Украине впадает в реку Десна.

Вопреки заболоченной пойме, дно реки оставалось песчаным. За деревней Шамовка Снов наполняется водами реки Солова, которая течёт через торфяные болота, вся в зарослях камыша, аира, с тихими заводьями, украшенными жёлтыми кувшинками и белыми лилиями.

Деревенька Шамовка расположилась главной своей улицей вдоль реки Снов, на возвышенности, которая южнее деревни переходила уже в торфяную пойму речушки Солова.

Дом Ивана Ильича Макаренко находился в конце главной улицы в левом переулке в три дома, за которыми, после огородов и лесочка, начинались торфяные карьеры в пойме Соловы. От середины деревни, ближе к реке Снов шла старая улица, дома которой смотрели сверху на реку. Она своей параллелью доходила почти до самой поймы Соловы и заканчивалась хвойным лесочком Гаем, с которого было видно слияние двух рек. Лесочку было лет десять, самый прекрасный пушистый возраст для сосен.

Возвышенность вдоль торфяной поймы реки Соловы – сплошной песок. Сначала на этом песке колхоз сеял люпин, картошку, но урожай никуда не годился. Решили засадить поле соснами и елями, которые росли вместе с Иной. В восьмом классе они были с неё ростом, а уже в десятом – намного её переросли.

Со стороны Истопок главная улица под прямым углом разветвлялась направо к кладбищу, налево – к хозяйственному двору с конюшней, овчарней, коровником, свинарником – и шла дальше. В конце её в семидесятых годах построили новую дорогу до Истопок и назвали её БАМ. На этой улице находился дом Василия и Григория Макаренко, только первый – в начале её, а второй – в самом конце. Ина обычно забегала в гости к двоюродной сестре Вале, а потом – к Вере.

Шамовская начальная школа стояла в самом начале идущей вдоль реки улицы. Школа даст название главному пляжу – «Школьный». Вскоре построят новый магазинчик спиной к школьному садику, окнами на главную улицу, прямо напротив дома подружки Нины. Это место станет самым людным в деревне, как и скамейка у дома.

В двух километрах на другом берегу реки Снов устроилась деревня Брахлов, одним своим краем почти срастаясь с деревенькой Полхов (на холмах), сразу за которым начиналось село Чернооково, славившееся чистой криницей с удивительно красивой мельницей. В это село вышла замуж тётя Шура, и Ина часто бегала к ней в гости мимо уже заброшенной мельницы, и её завораживало огромное замшелое деревянное колесо с лопастями, словно из волшебных сказок.

Жители деревни Шамовка состояли из семейных кланов, поскольку до середины пятидесятых годов прошлого века большинство молодёжи оставалось в деревне, женилось и плодилось дальше. Все семьи имели прозвища. Были даже такие, как Князи и Графы-Грахи. Ина сначала думала, что эти прозвища остались ещё от крепостнических времён, хотя о знаменитых родовых дворянских гнёздах их края мало кто знал, особенно из молодёжи.

Ина вспомнила казус, случившийся с ней много лет спустя. После смерти бабушки Ольги их семье досталась старинная икона на почерневшей от времени доске. Она тогда жила в Подмосковье и, пытаясь оценить наследство, привезла её в Москву. Оценщик рассмеялся: «Это

самоделка написана даже не маслом, дорогая. Из какого края? Граница трёх республик Украины, Белоруссии и России? Там сроду не было ничего ценного». Но она до сих пор хранит эту икону, намоленную родом Ильи и Ольги, в чём и была её главная ценность.

Чтобы лучше разобраться в происхождении таких оригинальных прозвищ, Ина обратилась за помощью к историку Александру Лепшееву, который после окончания института обосновался в Петербурге, но очень хорошо знал всех деревенских жителей. Много интересного она услышала от него.

Оказалось, что своё «звание» Грах (ф) дед многочисленного семейства получил за то, что до революции семнадцатого года служил лакеем у киевского графа. А с прозвищем Князь и того проще: по поговорке «из грязи в князи». Долго не мыл, не чесал свою шевелюру ещё-некнязь, да так долго, что в ней проросло зёрнышко овса! Посмеялся над ним народ и обозвал Князем. Каких только прозвищ не было! Балабаны, Питюки, Прусы (ещё с гражданской войны знал немецкий язык), Коршуны, Солохины, Вушкуны.

Род Макаренко считался на деревне пришлым, его обозвали Вушкунами от слова ушкуйники. Ушкуйник – вольный человек, входивший в вооружённую дружину, снаряжавшуюся новгородскими купцами и боярами, разъезжавшую на ушкуях (лодках с вёслами) и занимавшуюся торговым промыслом и набегами на Волге и Каме. Может быть, её прадед прибыл оттуда, может быть, промышлял там, как и многие крестьяне их края в разных городах: Риге, Петербурге, Киеве и Одессе. Откуда корни её рода, Ина так и не узнала. Прапрадед умер, а его жена Фёкла жила в семье сына Ильи, который взял в жёны Ольгу из дальнего села Плавна из семьи якобы колдуна. Они родили семеро детей и жили очень бедно. Жители деревни помнят, как Фёкла даже ходила попрошайничать по богатым домам. Значит, были и такие... Были, подтвердит Александр, были кулаки и зажиточные крестьяне, некоторые из них вошли в колхоз только после войны. Один из них до последнего считал праздник Октябрьской революции бандитским и в этот день работал.

О каждом семейном клане деревни можно было написать много интересного. Александр знал историю чуть ли не каждой семьи, и очень удивлялся, что Ина не помнит многих или забыла:

– Как?! Ты не помнишь Ковеньку и её сына Спутника? А Андреевых, у них было восемь детей, одного сына прозвали Король, а последний три года ходил в первый класс?

О деревне и её жителях он мог говорить часами, переходя от смешных к горьким историям.

– Саша, напиши книгу! Кому, как не тебе...

– Не люблю писать! А ты напиши ещё про этих...

И начинал рассказывать о них, начиная со времён царя Гороха, до тех пор, пока у Ины не поднималось давление. Уникальный человек и историк!

Личное Ине запомнилось невысокий, но юркий и весёлый Вася Рыжий, который лихо водил колёсный трактор «Беларусь», не пропускал ни одной юбки, учил вождению трактора даже их, малолеток, лихо плясал на свадьбах, пытался это делать и на похоронах. Именно дети Василия утащат её брата после армии в Киев, где первыми устроятся рабочими на завод.

Запомнилась ещё невестка семейства Князей, прозванную Княгиней. Мужа убили на войне, так она в неполных тридцать лет осталась одна с двумя сыновьями, потом уже родила дочь... кто-то зашёл и пригрел вдовушку. Главный шутник деревни Кучко-Шаряй имел пять детей. Именно в их породе из поколения в поколение передавался ген остроумия. Оно легко выплёскивалось из них при любом разговоре. Очень жаль, что Ина не записывала эти перлы. В последний раз, уезжая на автобусе к поезду, она была свидетелем такой картины: в автобус зашёл уже старый Николай Шаряй, и смех не смолкал до конца пути. Таких смачных шуток она больше нигде и никогда не услышит. Сколько бы Ина не напрягала память, но не смогла

вспомнить ни темы простого разговора, ни подковырок и приколов, вызвавших у всех пассажиров гомерический хохот.

Зимой в пургу дома, смотревшие прямо на реку, заносило снегом по самые крыши. Какие же снежные и морозные зимы были в те времена! И выюги выли в печной трубе... После окончания пурги дети бежали смотреть, как хозяева ходят от дома до сарая по глубоким снежным тоннелям, а потом начинали кататься с образовавшейся горки на санках.

В самом конце улицы, у лесочка Гай, жила Нина Кучко с мужем, первая подруга мамы. У неё была толстая коса до пояса, которую мама расплетала и расчёсывала, не уставая любоваться густыми длинными волосами. А Нина жаловалась на трудности ухода за ними и просила маму подрезать их хоть наполовину. Как давно это было, и как цепка детская память! Судьба Нины – сплошная трагедия... Однажды, спустя четверть века, когда отца и мать одновременно положат в больницу, Ина приедет в деревню почти на месяц, чтобы следить за уже не большим, но хозяйством. К ней в гости зайдёт совсем опустившаяся женщина, в которой она с трудом узнает тётю Нину, бывшую красавицу с чудной косой.

Интересна была семья Коршуновых. Старшая их дочь вырвется в Киев, удачно выйдет замуж и будет приезжать в гости на «Победе» с мужем-карапузом и двумя детками. К ней уедет средняя дочь Нина. Кто-то из них под конец жизни оседет аж в Греции. Самая младшая дочь Люба была необычайно простодушной и доступной для любовных утех, поэтому патриархальная деревня присвоила ей заслуженное звание первой древней профессии. О Любе особый рассказ. Две дочери её очень серьёзного брата Егора после школы уедут в Киев.

Семья Жака-Куста жила через три дома от них. Во второго их сына Ина влюбилась в шесть лет, старший сын хорошо устроится в далёком городе Красноярске, его огромную библиотеку, которую он переправит к матери в деревню, Ина будет перечитывать во время каникул. Дочь Эмма захватит её обожаемую сестрёнку Валу в подружки, потом уедет к старшему брату и поступит в институт. Она была авторитетом, экстремалкой и авантюристкой, которая первой сядет на мотоцикл без глушителя и будет носиться на нём по округе.

Чубченко Шура с мужем жили напротив Жаков. Здесь заканчивалась главная улица, стоял колодец и висел на столбе фонарь. Шура работала учителем начальных классов в школе другой деревни. Её муж был плотником, построил красивый дом. Три сына и дочка радовали трудолюбием. Старший сын Миша дружил с Иной с первого класса, носил её портфель. Он станет заместителем начальника милиции в районном центре Климово, заведёт идеальное хозяйство, а после смерти матери вернётся доживать жизнь в родную деревню и ещё крепкую хату. Однажды он поможет ей достать билет на поезд: во все советские времена они были жутким дефицитом. Шура будет гордиться своим семейством, пока не застанет мужа в постели вдовушки. Муж вынужден будет уйти из дома и умрёт не прощённым.

Одной из самых уважаемых была семья Захаренко Анны Михайловны, очень долгое время проработавшей агрономом. Она станет крёстной её братика и всегда будет помогать ему в трудную минуту. Две дочки и сын, все младше Ины, устроятся в Москве. Для них в хлеве ежегодно выращивали до трёх поросят.

Начиная с семидесятых годов, каждая деревенская семья будет тянуться из последних сил, помогая своим городским деткам. Существовал своеобразный рейтинг достигнутых высот их положения. Деревня жила молвой: «кто как устроился». Уже в восьмидесятые годы кто-то купит с помощью родителей машину, кто-то сподобится приобрести такую роскошь сам, чаще всего это были дети, уехавшие работать на шахты. Ина уедет с мужем в далёкую Индию, что до основ потрясёт земляков.

Было время, когда десятилетняя Ина подружилась с Катей, дочкой Княгини, которой тогда было лет четырнадцать. Домик их, вросший в землю, состоял из одной маленькой комнаты. Два старших брата-красавца после армии пристроились в далёких городах. До электрической эры Княгиня с дочкой выходили на порог своего жилища и на ярком солнышке пере-

бирали друг другу длинные и густые волосы, уничтожая гнид. Вшивость для тех времён была обычным делом. Катя была добрейшим человеком, она очень любила звать Ину в гости и слушать истории из книг.

Запомнился приезд её брата с потрясающей женой. Это было нечто яркое, в летних бриджах, с зонтиком и очками от солнца. Брат отбыл на работу, а её оставил на лето у матери. Спала она на чердаке, который был виден сразу при входе в сени. В это лето приехал к матери старший сын, и между невесткой и ним случилась страстная любовь прямо на этом чердаке, чему Ина с Катей стали невольными свидетелями.

Кустодиевская красота Кати сначала была не востребовавшей, потом судьба подарит ей в мужа красавца Ивана. Он работал как трактористом, так и помощником комбайнёра. Работа не из лёгких, особенно в посевную и уборочную пору, но она позволила им построить новую хату и зажить счастливо. Но на этом их история не оканчивается, удивительным образом переплетаясь с историей Любы Коршуновой, простодушной «давалки». Иван с другом, пьяные, приедут прямо с работы на гусеничном тракторе к Любаше гульнуть. Она холостого друга примет, а Ивана отошлёт к жене. Тот заведёт трактор и упадёт под движущуюся махину. Через девять месяцев Катя родит мальчика, а через год-полтора родит мальчика Люба... И один погубит другого...

Одарку Сидорову не забудешь. Яркая личность – прокурор среди баб. Она со своим тишайшим мужем Отрохом настрогают кучу детишек: Григория, Николая, Ивана, Нину, Василия и Михаила. Сидором был давно почивший дед. Все братья и сестра вырастут коренастыми самоуверенными оптимистами. Откуда всё это? Примером служила Одарка. Все бабские ссоры на своём участке деревни она разрешала круто и весело, и сама не забивала голову пустяками. Выбрал старший сын-красавец самую бедную невесту, и ладненько – им жить. Коля оставит руку в веялке, так слава богу, что жив остался, а это несчастье заставит учиться. Именно с Колей случится анекдот или скорее притча.

Летним вечером по деревне, как обычно, движется с выпаса стадо коров во главе с быком-производителем. Бык огромный, с кольцом в ноздрях и пеной на морде, угрожающе пыхтит «бум, бум, бум». Все сидящие на скамейках возле домов спешат спрятаться за забором. Коля зазевался, и бык пошёл прямо на него. Коля оторопел, замер. Бык рядом – и поставлен рекорд деревни по прыжкам через полутораметровый забор с помощью одной руки, за доли секунды! Третьего сына Ивана Ина сделает прототипом героя в одном из романов, потому что была немного влюблена в него. С Ниной, единственной дочкой Одарки, она будет дружить.

Связь со своей маленькой родиной Ина будет поддерживать через Марию и её мужа Виктора Кучко по скайпу. Начиная писать свои воспоминания, Ина столкнулась с проблемой множества одинаковых имён. Некоторые из них, исключая имена близких и родных людей, она вынуждена была изменить, за что заранее просит прощения. Так Мария стала Графиной, будучи дочкой Ивана, сына Графа. У её деда было три сына: Иван, Василий и Степан. Иван был очень маленького роста, но зато два раза женился. Сыновья Василия, Анатолий и Виктор живут в Пушкино, Ина была у них в гостях. Дети Степана осядут в столице, о сыне Василии Ина расскажет позже.

В новом веке в их деревеньке останутся только старики. Вся молодёжь уедет в большие и малые города. Она как-то пыталась посчитать её количество, но сбилась на пятой сотне. Деревня умирала, это стало главной причиной демографического кризиса в стране.

Александр Лепшеев не мог не рассказать историю жизни своей мамы Олимпиады, младшей сестры Нины, подруги её мамы Марии. Все звали её Липой. После окончания школы в неё влюбился парень из Истопок, и она уже готова была выйти за него замуж, но началась война, на которой он погиб при переправе через Днепр, а её в самом начале 1943 года угнали в Германию. В сентябре этого года немцев самих изгнали с территории района наши войска.

Немцы основали свой штаб в селе Полхов, а в их деревню протянули только телефонный кабель для связи с выбранным старостой Жаком. Каждый раз ему присылали разнарядку на людей, которых отправляли в Германию на работы. Так из двух сестёр Кучко он выбрал младшую Липу, посчитав, что в этих лагерях сможет выжить только такая боевая девочка. И она выжила.

Немцы Шамовку не трогали, пока одному хлопчику не пришло в голову перерезать телефонный кабель. Тут же прибыл карательный отряд, который без церемоний решил деревню сжечь, как до этого сожгли Истокки, после чего люди там жили в землянках. Спас Шамовку бывший солдат царской армии, воевавший в Первую мировую войну на землях Пруссии и прозванный Прусом. Он кое-как смог объяснить офицеру, что хлопчик порезал кабель не со злым умыслом, а по причине умственной отсталости: дурак, он и есть дурак.

После войны Липа вернулась в деревню и узнала, что её любимый погиб на войне, как и десятки деревенских парней. Было время, когда её подозревали в шпионаже, как и многих, вернувшихся из германского плена или трудовых лагерей. Досталось ей от чужих и от своих. К тридцати годам она всё ещё была одинока. В деревне её звали модисткой, так как она умела шить одежду на швейной машинке. Два раза она хотела уйти из жизни, сначала от унижений после возвращения из Германии, потом – от одиночества.

Удивительно, но Жак увидел в ней ту силу, которая победит все испытания. В тридцать лет Липа приняла решение родить ребёнка для себя, что было по тем временам очень смелым поступком. Так на свет появился Александр. Когда он подрос, она была ещё хороша собой, и в неё влюбился начальник сельпо – большой человек. Он готов был жениться, но партийная дисциплина заставила его отказаться от этого шага, по её мнению – опрометчивого. Потом судьба одарила её любовью учителя, присланного в деревню со своей семьёй. Он был ещё тот ходок по юбкам, но Липу любил искренне и долго. Это стало для Олимпиады достаточной компенсацией за все пережитые ею страдания. И сын Александр каждое лето проводил свой отпуск у любимой мамы Липы. В нём сосредоточилась самая главная её радость и гордость. На старосту Жака она не обижалась, и к людям относилась доброжелательно, а вот самому Жаку всю жизнь пришлось нести клеймо немецкого холуя, хотя он в старосты не напрашивался, а его назначили.

История Брянщины

Большую часть северных и западных районов Брянщины занимали племена Юхновской культуры, которая относится к железному веку. Заселение славянами произошло в 5—10 веках, первым было племя радимичей, вытеснившее племена балтов. С юга по реке Снов на эти земли из Чернигова стали проникать дружины киевских князей, которые и захватили их.

С 13 века селище Шамовка входило в состав Стародубской волости Черниговского княжества, а с 1618 года Стародубщина была включена в Смоленское воеводство и управлялось самим королевичем Владиславом.

В 1620 году сыны боярские Рубцы получили от польских комиссаров королевские грамоты на владение селений по обе стороны реки Снов. В ходе освободительной войны 1648—54 гг. и Русско-Польской войны 1654—67 гг. территория сёл была подарена гетманом Богданом Хмельницким тем же братьям Михаилу и Илье Рубцам за то, что присоединились к восставшему казачеству и служили войску Запорожскому. Потом земли отбирались и снова возвращались гетманом и окончательно в 1673 году перешли сыновьям и внукам Рубцов. По приказу 1770 года императрицы Екатерины эти «ранговые деревни» перешли во владение графа Румянцева.

В 19 веке между Бабками и Чернооковым была построена красивейшая усадьба Карбовка в 45 гектаров земли, принадлежавшая дворянке Миклашевской. Большая вербовая аллея окружала её с двух сторон, было там искусственное озеро с выложенным дубом дном с небольшим источником родниковой воды, а вокруг дома рос редких сортов яблоневый сад. В 1864 году усадьбу купил купец Гусев.

После революции 1917 года имение стало всеобщим достоянием. В центре села находилась иконописная мастерская, потом рядом была построена деревянная церковь Покрова, разрушенная в 1934 году. Помещиком Гусевым была построена водяная мельница для общественного пользования, которая работала от потока воды из криницы в реку Снов.

Митрофан Кустов из деревни Шамовка в 1858 году возглавил церковно-приходскую школу в Чернооково и проработал в ней почти полвека, получив медаль «За усердие».

Революция 1905 года отозвалась разбойными нападениями на имения Рубцов, но грабителей выявили и осудили Киевским Военно-Окружным судом.

В 1918 году территория была оккупирована австро-венгерскими войсками, против них боролся партизанский отряд Стрижака, который соединился потом с дивизией Щорса. Родной край освободили.

С приходом советской власти начали создаваться колхозы. В 1936 году земля была закреплена за образовавшимися колхозами на вечное пользование. В этом же году появились первые грузовики. В 30-м году по сёлам стали открываться продовольственные лавки. В Бабках открыли больницу с родильным отделением, в этом же году появилось радио.

На базе четырёхлетних школ в Черноокове, Брахлове, потом и в Истопках были образованы семилетние школы.

В Великую Отечественную войну в Климовском районе погибло 5 тысяч воинов.

В 1950 году в Климовском районе уже было 118 коровников, 76 свинарников, 86 конюшен, 8 тысяч гектар пашни, 40 тысяч гектаров лугов, 1295 садов. Но только в 57-м году появились тракторы и комбайны. Школ было 78 на 7 тысяч жителей.

В этом году сёла и деревни были электрифицированы, кроме д. Шамовка. Она восстала из тьмы в 1959 году.

О происхождении названия села Чернооково существует несколько легенд, каждая из которых по-своему правдива. Основная версия связана с достопримечательностью села – криницей, находящейся в центре села, вода в которую вытекала из-под меловой горы. Криница и её исток никогда не замерзали, летом и зимой вода в них была одной температуры в восемь градусов. Зимой, когда вокруг белым-бело, свинцовая вода криницы и тёмный кустарник вокруг неё напоминали «чёрное око», обрамлённое ресницами. Отсюда и пошло название села Чернооково.

Деревню Бабки назвали так, потому что во время освободительной войны русского народа против поляков в начале 16 века из деревни ушли все мужчины, остались только одни женщины (бабы).

Название Шамовка произошло от слова шамкать – есть беззубым ртом. С почина их, девчонок, деревня была переименована и стала называться Заречье.

Такова история края, который Ина считала глухоманью. Всё-таки икона, которую она хранит, писана настоящими мастерами, пусть и темперой.

Мария Михайловна

Жизнь подарила, мир подарила...
(Энтин Ю.)

Мамочка. Отец звал её Марийка, свекровь – Марусей, что маме не нравилось, все деревенские – Марией Михайловной. Голодное детство, война, недолгий рай в Китае и последнее пристанище в глухой деревне – вот и вся биография. В двух строчках вся жизнь? Конечно, нет. Весь её главный интерес перетечёт в жизнь дочери и сына.

Было ли что-то светлое и радостное? Конечно, было. Даже в деревне. На всех фото мама улыбается. Через пару лет деревенской жизни на опалённом солнцем лице стали видны светлые морщинки, веером расходящиеся от глаз. «Хохотушка, кожа у глаз не успевает загореть», – как-то сказал отец маме. «Как не смеяться, Зина на речке такие истории рассказывала, у нас с Ниной от смеха живот заболел!» – ответила она, смеясь.

Зина-москвичка вышла замуж за деревенского парня из Шамовки и не могла не стать подругой мамы, а почему ею стала Нина, не понятно. Может потому, что боготворила? Мама была изящна до хрупкости с ножкой 35-го размера, что ненормально восхищало Нину: – Ты, Марийка, как куколка, а у меня не ноги, а ножищи, не руки, а ручищи. А твои ручечки...

От такого низкопоклонства подташнивало даже маленькую Ину: что-то было в этом неприличное. Нина нарочито наговаривала на себя, деревенскую красавицу с толстой косой до пояса. Её муж-механизатор был, по её словам, вечно грязен, груб и молчалив, на что она постоянно жаловалась маме.

Потом муж запьёт основательно, она – в ответ, за что он начнёт её бить. Они разведутся, он уедет в другую деревню и заберёт с собой старшего сына, младший останется с ней. И каждый раз Нина несла своё горе маме, а оно не кончалось... Нина запила.

Ина поминает это её многолетнее падение, помнит недовольство отца и растерянность мамы, которая устала жалеть подругу, но не в силах была отказать ей от дома. Это сделает отец, после чего мама, наученная горьким опытом, навсегда забудет о женской дружбе. С Зиной, которая уедет обратно в Москву, она будет только переписываться и лишь однажды съездит к ней в гости.

Вообще деревенские страсти никогда не кончались, просто Ина никогда в них не вникала. Через много лет ей о них расскажет племянник Нины Александр и удивит чрезвычайно. Оказывается, что шестнадцатилетнюю тётю Нину в 43-м году отправят на Уральский завод, где она будет работать по двенадцать часов в день и с которого сбежит через год. Её поймают, по законам военного времени посадят в тюрьму и освободят только после победы. Он расскажет, как выросли её мальчишки и стали пить, потом избивать её до полусмерти, как его мама Липа устанет спасать свою сестру. Это только одна история одной деревенской женщины, а в каждом доме – по кому человеческих драм, вплоть до трагедий. На их фоне судьба её мамочки, которую она считала неудавшейся, вполне удачна и даже счастлива. Всё познаётся в сравнении...

Папа с мамой были не только красивой, но и уважаемой парой, примером для подражания. К ним обоим за советом и помощью шли как к самым «грамотным», а одно время и как к депутатам. Только потом они растворились в крутом деревенском замесе, не выдержав его напора. Но маме всегда хватало симпатий со стороны женской части деревни, потому что она никогда не изображала из себя прокурора или судью, что и есть первый признак истинной интеллигентности.

Ине же неосознанно хотелось видеть в ней деревенского прокурора Одарку, способную поставить на место любого. Сначала мама жила за папиной спиной, как за стеной, а когда стена стала рушиться, то она оказалась беззащитной вдвойне. Ина, уже будучи подростком,

это интуитивно чувствовала и страдала. Ей невольно хотелось маму защитить, только поэтому где-то внутри неё уже начала формироваться собственная «маленькая Одарка».

Мама не забыла парикмахерское мастерство, поэтому стригла родню мужского пола. Ещё она умела вязать вещи спицами и крючком, кроить и шить одежду. Сначала она стеснялась брать заказы, потом осмелела, и у неё появились свои клиенты. Ину она обшивала с малых лет, а восьмом классе научила и её мастерству швеи.

Часто для выбора фасона для клиентки затевался показ маминых шикарных платьев из невиданных тканей. А сколько было обуви! Туфли, босоножки на высоченных каблучках, из кожи лакированной, даже змеиной, ботинки на меху, резиновые сапожки с каблучками, в которые для устойчивости вставлялись туфли. Ине больше всего нравилось примерять модную шляпку с вуалью... После таких примерок на глаз мамы набегали слёзы, потому что вся эта роскошь пропадала пропадом в глухой деревне, куда её привёз отец. Здесь эта роскошь вызывала только глухую зависть, а после того, как отец стал простым колхозником, – злорадство.

Самым большим удовольствием для мамы было чтение книг, благо в центральной сельской библиотеке на полках стояли книги классиков не только русской и советской литературы, но и собрания сочинений Бальзака, Дюма, Гюго, Мериме, Мопассана и десятки менее известных писателей. Мама уходила в выдуманный мир и жила им. Этот удивительный мир литературы она подарит Ине с самых ранних лет.

Зимой темнеет рано. Сделаны все дела по хозяйству, последней подоена корова, молоко процежено, разлито по кувшинам. Дня через два сверху появятся сливки, а из них – сметана, благодаря которой и выживала Ина. Только с ней она ела картошку отварную и жареную, оладьи и блины, а весной первые пёрышки лука. После ужина папа сразу засыпал на кровати, мама устраивалась на тёплой печке с книгой, а маленькая Ина ложилась рядышком с ней и просила:

- Мам, читай вслух!
- Но это взрослая книга...
- Пожалуйста!

И мама начинала читать, иногда рассказывая сюжет. Ина помнит длинные описания природы, чувств, ещё много чего непонятного, но мамин голос звучал флейтой, потом становился все тише и тише, мамыны глаза закрывались, но Ина бдила:

- Мама! Читай!

Мама вздрагивала и, вздыхая, спрашивала: «Когда ты заснёшь?» Зря надеялась – слушать чтение книг Ина могла бесконечно. Иногда мама прерывала чтение, хотя и не засыпала. «Мама!» – напоминала Ина о себе. «Это только для взрослых!» – отвечала она. И приходилось ждать, пока опять можно будет слушать про скучное или, что бывало редко, весёлое описание событий. В восемь лет Ина уже самостоятельно перечитает свои детские книжки и возьмётся за взрослые, прошедшие папин отбор. Но слушать мамин голос, пригревшись у неё под бочком, оставалось ещё долго наивысшей радостью.

Ина всегда восхищалась мамой, когда та наряжалась и превращалась в сказочную королеву. Вздыхали, глядя на неё, деревенские подруги, папа самодовольно посмеивался, приглашая обмыть сей спектакль. И садились за стол, и пели песни, деревенские или новомодные мамыны, привезённые из городской жизни, из кинофильмов. Мама становилась Любовью Орловой или Клавдией Шульженко, ей вторил голос папы, потом подключались остальные. В такие моменты Ину переполняла гордость за самых-самых необыкновенных родителей, рядом с которыми она была маленькой принцессой. Став взрослой, она поймёт, как тяжело и безропотно они вписывались в деревенскую простоту. Но, вопреки всему, они подарили ей счастливое детство.

Счастливое детство – генератор хороших человеческих качеств, прочтёт она много позже в умной книге. Не обязательно. Есть мнение, чем детство хуже, тем морально продуктивнее

становится последующая жизнь. Уже очень скоро Ине придётся хлебнуть и худшего, так что хорошим и закалённым человеком она обязана была стать. Без вариантов.

Лера и Влад

Играй гормон...
(Народный юмор)

Ине почти семь лет. Их семья переехала в свой дом. Непосредственные соседи жили совершенно замкнуто, как и следующие, чьей семьёй руководила самовластная бабушка Бирючиха. Их крепкий дом скрывался за высоким забором, двор охраняла злая собака. Во дворе росла совсем даже не трава, а необыкновенной красоты редкие цветы и три дерева чёрной шелковицы, единственные в деревне. Ягоды на них рано поспевали и сладким покрывалом усыпали землю.

Сын и невестка пропадали на работе, один – в поле, другая – на свиноферме. Они и в своём хозяйстве держали свиноматку, приносившую к весне много поросят, которых очень выгодно продавали. Их сад антоновских яблонь был самым большим в деревне, не считая колхозный. Яблоки они тоже продавали, что было не легко, особенно найти ящики и нанять машину для перевозки. Бирюковым всё это удавалось.

Неожиданно Бирючиха приветила Марию Михайловну и попросила запросто заходить в гости. Запросто не получалось: собака у калитки, в сад не докричишься. Но от судьбы не уйдёшь. У Ины на глазу вскочил ячмень, а заговорить его могла только она. Пришлось Марии Михайловне вести дочь к ней. Бирючиха ячмень заговорила и попросила за эту услугу сшить им с невесткой по платью на их же машинке. Так Ина познакомилась с её внуками: Лерой, на год младше её, и Владом – на год старше.

И вот мама Ины шьёт платья в доме, а они, дети, играют во дворе. Подошли ещё два соседских мальчика. Со двора всей оравой перебрались в тёмные сени, где мальчишки придумали новую игру. Их, девочек, посадили под большое покрывало и приказали молчать. Ина молчала, пока к ней в трусики не полезла рука мальчика. Она закричала, мама вышла, спасла её от непонятной игры и страха темноты, потом расспросила, а дома обо всём рассказала папе. Ина никогда не видела его таким взбешённым. Он так яростно возмущался их гадкими играми, что довёл её до истерики. Ина рыдала от несправедливой обиды, не понимая, почему отец кричит на неё, а не на мальчишек, которые эту игру затеяли.

Отец был неправ, но он выразил свой протест, как мог. Таким образом доступ мальчиков к её трусикам был запрещён им, как казалось, навсегда. Все взрослые категорически против любой инфантильной сексуальности, хотя каждый прошёл в этот период через свой тайный грех.

Отец запретил Ине общаться с соседскими детьми, что после его психической атаки для неё было уже лишним. Где-то через год Лера пришла к ним с полной банкой спелых ягод шелковицы: от бабушки для Ины. Ина смотрела на отца и чувствовала, что ему стало как-то не по себе, но он поблагодарил Леру и сказал: «Играйте». И вот играют они с ней в «имена» уже в доме Леры, Ина проигрывает и называет вместо имени кличку, а Лера торжествующе протестует. Ина не сдаётся и выдвигает как неоспоримый аргумент книгу, в которой чёрным по белому... Лера призывает на помощь отца, потом маму и бабушку, и они единым фронтом выступают против Ины, что кажется ей жутко несправедливым, прямо-таки до слёз. Её папа и мама никогда бы так не сделали, даже если бы она была права. И в этот момент ей невыносимо захотелось, чтобы они вставали на её защиту в любом случае и всегда! Так, как это делают эти чёртовы Бирюки!

Пройдёт ещё немного времени, и Лера поделится с ней сокровенными знаниями «об этом», а Влад не замедлит продемонстрировать ей своё отличие от девчонок. Это случилось где-то в четвёртом классе, и Ина сама перестала ходить к ним в гости, хотя шелковица была

у них сладкая-пресладкая. Ей так хотелось черных ягодок, что они даже снились, но теперь ими её уже не подкупить!

Совсем неожиданно Леру отправят жить к родственникам, кажется, в Грозный, она пришлёт Ине письмо и фотографию с высокой пышной причёской, которая поразила её в самое сердце. После этой причёски противно было смотреть в зеркало на свою, которую и причёской нельзя было назвать. Где волосы? Все зализаны и заплетены сзади в косу. Самое обидное было в том, что коса Ины была толще Лериной чуть ли не в три раза, но такую причёску можно было сделать только из её шелковистых и чуть вьющихся волос. Такая вот подлость. Как-то Ина сходила к ним в баню и узнала, что они моют голову не мылом, а щёлоком: водой, настоящей на золе. Оказывается, что в старину щёлоком стирали бельё и мыли посуду, что стало для неё настоящим открытием. Теперь и они с мамой мыли голову только им. Правда, виться её волосы так и не стали, зато очень легко расчёсывались.

Лера, Влад, игры гормонов... Каждый играл, кто во что горазд. Как давно это было! Ина любила бегать... Вот она несётся по деревенской дороге к сестрёнке Вере и катит рядом с собой обод колеса от велосипеда, подталкивая его палкой. Колесо не падает, потому что она очень ловкая! Вот она снова бежит – с подпрыгом, с подскоком с вертушкой в руке. Иногда ей казалось, что можно даже взлететь.

Дима плюс Зина

Дима и Зина – два полюса, два мира.
(Вальен Т.)

Дима Понаревский, чей род происходил из Речи Посполитой, был в деревне очень примечательной личностью: лесник всех окружающих лесов, похожий на Чапаева. Он носил белый полушубок и ездил на вороном коне с седлом! Однажды его послали на курсы в саму Москву, и он привёз оттуда симпатичную маленькую и фигуристую жену по имени Зина. Мгновенная любовь настигла их при случайной встрече и тут же завершилась браком.

Зина была моложе мамы, но они подружились сразу. Мамина постоянная подруга Нина жутко ревновала, но потом сама попала под неподражаемое обаяние москвички. Несколько лет подруги были неразлучны. У Зины родилась дочка Лида, а через два года она захотела вернуться в столицу, поставив Диму перед выбором: деревня или я и Москва! Дима никак не ожидал. Кем он будет в Москве? Рабочим на заводе. А он любил себя, красавца, на коне и эту глушь, где был первым.

Мама уговаривала его: – Дима, жить в Москве – мечта любого нормального человека. Колхозникам не положены пенсии и путёвки в санатории, их дают только председателю колхоза и инвалидам, здесь мы даже паспортов не имеем, а у тебя появится шанс всё это иметь. Такой лихой парень, как ты, многого добьётся и в столице.

Дима поддался на уговоры и уехал с женой в Москву, но вскоре вернулся: то работа его не устраивала, то он её. Зина осталась, чтобы всё-таки найти ему подходящую работу, да ещё с предоставлением жилья.

Дом Димы был зажиточным. Его мать сначала гордилась московской невесткой, но потом вдруг потребовала разделения площадей и ложек. Зина прибегала жаловаться маме.

– Мария, где и на что я куплю серебряные ложки и вилки? Ковры? Она думает, если москвичка, то богатая. На тебя кивает, а у нас в семье пять ртов, в коммуналке живём. В Москве одни жируют, а другие еле концы с концами сводят, только поэтому я и решила жить в деревне. Смотри, как здесь отъелась! Мария, поговори с ней, к тебе она прислушается.

Мама, вздохнув, пошла на переговоры, а вернувшись сказала:

– Зина, оказывается дело не в ложках, просто ты её мамой так и не называешь, а здесь так не принято.

Потом случилось чудо. Вышла Зина на двор по малой нужде, а бычок, гулявший по нему, попёр прямо на неё, и рожки у него были уже не малые.

– Мама-а! – заголосила Зина на всю округу.

Свекровь была очень довольна.

К концу лета Зина нашла в Москве работу для мужа с предоставлением комнаты и помчалась с радостной вестью в деревню. Поезд прибыл в Климово вечером, автобус уже не ходил, но она так торопилась сообщить прекрасную новость мужу, что проехала часть дороги на попутках, а остальные прошла пешком. Дома уже все спали, а мужа не было. Зина выскочила на улицу в полной растерянности. В этот момент соседка из дома напротив выглянула в окно и сообщила, что Дима пошёл в сторону телятника.

Поздний вечер... Какой телятник? Зина из последних сил добрела до него, распахнула дверь и увидела на сеновале мужа с полуодетой молодухой. Этого она ему простить не смогла. Основательно потрепав соперницу, Зина ушла жить к подруге Марии.

Мама уже ходила на работу в поле, и Ина, ещё очень привязанная к её юбке, часто бегала к ней. Зине было скучно... И вот перед взором полевой женской сборной предстаёт видение: Зина едет навестить подругу на лошади, сидя почти на хвосте, ибо там самое мягкое место.

Смеяться над ней бабы поостереглись. «Еврейка, она и есть еврейка», – прошептал кто-то, но с некоторым уважением к её бойцовским качествам.

Не дождавшись от мужа искреннего покаяния, Зина подала на развод и уехала в Москву, а он сделал последнюю попытку для примирения, оставив дочь у себя. Он надеялся, что к дочери мать обязательно вернётся. Так мама осталась без задушевной и очень умной подруги. Дружба с Ниной была совсем иной.

Ина тоже скучала по тётке Зине, которая удивительным образом могла говорить на равных даже с детьми. Наступила зима, все с нетерпением ждали её приезда. Дима страдал и часто приходил к ним в гости с дочкой. Как-то ужинают они все вместе, маленькая Лида топает ножками по ковру, Дима вслух гадает, когда нагрянет Зинуля, а мама предлагает:

– А давайте спросим у детей, они предчувствуют. Ина, когда приедет тётя Зина?

– Пусть Лида скажет!

– Лидуша, когда мама приедет?

И малышка выдаёт: – Завтра!

Все засомневались, а Зина приехала на другой день, и в доме наступил праздник. Она тормошила Ину и дочку, заставляла их петь и плясать, рассказывала все новости столицы, завораживала воображение зоопарком и планетарием. Ина верила ей и мечтала... о Москве. Дима не мечтал и согласился на развод. Тётя Зина ещё несколько раз приедет к ним в гости, последний раз – на новоселье, а потом надолго пропадёт. Ина училась в шестом классе, когда мама получила радостное письмо от подруги: «...вышла замуж, живу в прекрасной квартире, жду всех вас в гости».

К этому времени и в их семье прибавилось счастья: по полу топал трёхлетний карапуз Вовочка. Летом с братиком сидела Ина, поэтому на зимние каникулы мама решила отпустить её в Москву! К тому времени поизносятся все заграничные вещи Ины, и мама растерялась:

– В чём тебя, доченька, отправить в столицу? Надо бы новое пальто купить, но на него денег нет.

– Мам, а почему у нас постоянно их нет?! – возмутилась Ина.

– Доченька, сама не знаю. До войны жили на копейки, после неё – тоже. Все мечтали, что после нашей победы они появятся, но так почему-то не произошло. Счастье, что мы попали в Китай и купленной там одежды хватило на много лет. И надо было тебе так истрепать шубку на горках!

– Мам, поехали со мной. Тётя Зина всех пригласила. Наденешь свою шубу, берет и меховые ботинки на каблуках, которые мышь чуть подпортила, но ты всё равно будешь красавицей! – уговаривала Ина маму.

Мама в ответ вздохнула и сказала:

– Не могу! Папа один не справится, да и какая из меня сегодня красавица?

Ина не хотела с этим соглашаться, хотя мама уже ничем не отличалась от деревенских баб, и всё реже звучал её неповторимый залиvistый смех. Тогда маме не было и сорока лет.

Дима женится, и у Зины будут счастливые годы рядом со вторым мужем. Для Ины она так и останется особенной женщиной.

Учительница первая моя

*Педагогическое оружие: пистолет Макаренко.
(Народный юмор)*

После переезда в деревню прошли зима с летом, в конце которого их семья переехали в свой дом. В сентябре 1956 года Ина пошла в первый класс четырёхлетней школы в своей деревне. Два чётных класса вела Елена Васильевна, её первая учительница, два нечётных – Мария Дмитриевна. Первая, дама лет тридцати, была высокой, худой и очень нервной, даже злой. Вторая дама, лет пятидесяти, наоборот была очень толстой, флегматичной и какой-то равнодушно отстранённой.

С первых дней в школе Ину водили по всем классам для демонстрации великолепной памяти и выразительного чтения. Она знала наизусть стихи почти всех детских классиков. Первое потрясение случилось во втором классе и запомнилось на всю жизнь.

Дома папа с мамой её любили и баловали. Обычно утром после сна, когда мама уже сутилась у печки, Ина ныряла в родительскую кровать к папе и требовала почесать ей спинку. Папа с улыбкой подчинялся, а она блаженствовала, навсегда оставаясь папиной доченькой.

Первый раз её ударили в школе. Однажды, ещё тёплым сентябрьским утром, Мария Дмитриевна, живущая при школе, выстроила всех школьников на зарядку. Смешно вспоминать, как она при своём огромном животе тоже пыталась достать руками носки ботинок. После окончания оздоровительной процедуры учительница сказала:

– Дети, Елена Васильевна задерживается, идите её встречать.

Она имела в виду просто выйти за школьную ограду на луг и посмотреть вдаль. А они в эту даль пошли.

Елена Васильевна ходила на работу из другой деревни. Дорога вела мимо двухэтажной восьмилетней школы в Брахлове, в которую она мечтала перейти работать, потом вдоль реки, через мост и по лугу к их школе. Всего каких-то четыре километра.

Дети без всяких сомнений поплёрлись навстречу ей, а она всё не появлялась. В итоге одна группа пошла в её деревню, а та, в которой была Ина, пошла назад, но все они дошли до двухэтажной восьмилетки, встали перед ней и долго глазели на «высотное» здание. Уже из окон стали выглядывать преподаватели и спрашивать: «Что вам надобно, дети?»

– Мы встречаем Елену Васильевну! – кричали они в ответ в десять часов утра.

Вернулись они в родную школу, когда обе учительницы готовились к жестокой расправе над путешественниками, громко ругаясь в коридоре за дверью. Ина сидела за своей партой недалеко от неё и слышала их спор. Она не понимала только одного: какой дорогой пришла в школу Елена Васильевна, и почему их нужно наказывать, если сама «Мария» попросила её встретить?

Ина слышала, как Мария Дмитриевна отстаивала право самой допросить учеников своих двух классов, а Елена Васильевна решительно требовала единоличной показательной «казни» для всех! Мария Дмитриевна сдалась.

Елена Васильевна начала допрос с избиением: «Кто первым повёл?! Кто был первым?!» Она превратилась в злобную фурию, вымещая свою ярость с полной отдачей: раздавала всем ученикам пощёчины, ломала указки о головы, крутила уши, надорвав одному мальчику мочку.

Ина наблюдала эту расправу и с ужасом ожидала своей очереди. Елена Васильевна с выпученными глазами наклонилась над ней и что-то спросила. Она не могла ничего ответить, потому что онемела. И тогда учительница ударила её по щеке, потом приподняла и стала трясти за плечи, как тряпичную куклу, но уже не била, поняв, что Ина теряет сознание.

Разве они могли тогда понять, что теперь Елене Васильевне уже не перевестись в ближнюю к ней школу из-за их вояжа, зато они никогда не забудут звериной злобы своей первой учительницы.

Подняла скандал мама мальчика, которому учительница надорвала мочку уха. Её поддерживали другие мамы и Мария Михайловна. Скандал не дошёл до верхов, но после этого Ина перестала быть любимой ученицей Елены Васильевны.

Вскоре у неё появилась другая любимица, милая и способная девочка, чья семья приехала из Киева. Уж, каким ветром их занесло в деревню, не ведомо, только девочка прекрасно пела и показывала чудеса акробатики. Теперь её номера были лучшими на концертах, именно её посылали на всевозможные слёты в районный центр города Климов, что было самой заветной мечтой Ины.

Там, в городском парке, собирались самые лучшие ученики, на сцене выступали самые талантливые из них со своими номерами, там проходило торжественное награждение дипломами и грамотами, там играл духовой оркестр и везде продавали мороженое! Теперь туда будет ездить новенькая девочка, а Ине оставалось только молча завидовать её гимнастическому таланту и страдать.

У неё тоже был талант: только она могла завершать самую высокую пирамиду, главную фишку любого школьного концерта. Самые сильные мальчики строили фигуру пирамиды внизу, а Ина ловко и бесстрашно забиралась по ним на самый верх и победно её завершала. Но, видимо, учительнице больше нравились акробатические этюды новенькой девочки.

Где-то там остался тот город, в котором она могла жить и стать пианисткой, художницей, солисткой танцевального ансамбля. Если папа и думал, что она поздоровеет на деревенской почве, то мечты его не хотели сбываться. Авитаминоз, вечные ангины и «ячмени» на глазах сопровождали его дочь всё детство. Одним словом – бледная немочь.

С пятого класса начались ежедневные четырёх-, потом десятикилометровые пешие походы из дома в школу и обратно. Вот они дали то, что не дал бы город – живучесть, снова не благодаря, а вопреки всему. Но не будем забегать вперёд.

Ина училась во втором классе, когда в их семье случилось чудо. 4 января 1958 года мама родила братика. Имя поручили выбрать Ине. Из четырёх бумажек с именами, положенными в шапку, она вытянула имя Владимир. Папа с мамой переглянулись – так звали умершего второго ребёнка.

Братик стремительно стал набирать вес и превратился в толстого карапуза. Мама и папа светились от радости. «Сын, наследник, кормилец!» – гордо говорил папа, беря его на руки.

Ина помнит обряд «Первое купание младенца». Мама пригласила «специалистку», как язвительно назвал её недовольный партийный папа, которая завернула малыша в мяконецкий платочек, медленно опустила его в корытце, потом поливала тёплой водичкой из кружки голову, ножки и ручки, пупочек, спинку, крестила их и что-то шептала.

После этого обряда Вовочку положили в новую люльку, которую подвесили на крюке между печкой и кроватью: в самом теплом месте хаты. Мама садилась на узкую лежанку, пристроенную к печке, качала люльку и пела колыбельные песни. Ина ложилась на эту лежанку, слушала её нежный голос и тоже засыпала. Ей снился месяц, который в окошко глядит, капризный глупый мышонок и воркующие над кроватью голуби.

Мамочка, нежная скромная и добрая душа, светлым по светлому... Это она учила её запоминать стихи и пересказывать сказки, объясняла незнакомые слова... Это она каким-то ненасильственным способом научила её читать и считать. Именно мама была для неё самой первой учительницей, самой умной и самой любимой.

СССР 1955—1960 годы

1956 год. Знаменательный 20-й съезд КПСС запомнился докладом Хрущёва Н. С. «О культе личности», в котором он осудил Сталина. Арестован Берия и его соучастники, после суда они были приговорены к расстрелу. Постановлением СМ отменена плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях. ВС СССР принял «Закон о пенсиях». Выпущен первый самолёт ТУ-104.

1957 год. Запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Началась хрущёвская «оттепель». Завершена работа комиссии по пересмотру дел по репрессиям 30-х годов. Общие итоги: репрессировано по политическим мотивам 3 770 380 человек, из них расстреляно 749 421 человек, в заключении были 2 369 220 человек. Пересмотрено «Ленинградское дело», участники реабилитированы, многие посмертно.

Хрущёв Н. С. выдвинул лозунг: «Догнать и перегнать Америку!» Продолжается освоение целинных и залежных земель в Казахстане и на Алтае. Продолжилась компания по выращиванию кукурузы.

1958 год. Сессия ВС СССР назначила Хрущёва Н. С. Председателем СМ, теперь он возглавлял не только директивную, но и исполнительную власть. Нобелевский лауреат Борис Пастернак исключён из Союза писателей за роман «Доктор Живаго».

В 1959 году внеочередной 21-й съезд КПСС подвёл итоги шестой пятилетки, надо сказать – плачевные, и принял семилетний план на 59—65 годы, чтобы прикрыть неудачи хрущёвской экономической политики. Но при этом было заявлено, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу, и страна приступает к строительству коммунизма!

Январь. Запуск первой многоступенчатой космической ракеты в сторону Луны. Спущена на воду крупнейшая китобойная база. Введён в действие Каракумский канал. Сентябрь. Запущена вторая космическая ракета, которая достигла поверхности Луны и доставила на неё вымпел с гербом СССР.

В течение 1956—1958 годов вступили в строй 2400 крупных предприятий.

Международная политика

1956 год. Принята совместная Декларация СССР и Японии о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений.

Антисоветские выступления в Венгрии и Польше подавлены с помощью советских войск.

1957 год. Международный фестиваль молодёжи в Москве.

1959 год. Антиимпериалистическая революция на Кубе.

Первый визит Хрущёва в США.

1960 год. Скандальное поведение Хрущёва на сессии ООН. Ассамблея ООН приняла декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Деревня Шамовка жила в полумраке керосиновых ламп и билась о крепостные стены натурального хозяйства. Только в конце 1959 года в деревню провели электричество. Ина помнит, как загорелась лампочка под потолком и осветила ранее невидимый мусор на полу, а она

взяла веник и стала подметать пол. Это был праздник света. Папа отложил газету «Правда», засмеялся и сказал, что все уже начали строить коммунизм, а до их деревни только дополз социализм.

Семья свою задачу выполнила: адаптировалась к жизни в деревне, купила развалюху, родила наследника и накопила десять рублей на постройку нового дома. Новые задачи: как-то его построить.

НОВЫЙ ДОМ

*Строить коммунизм – хорошо, но строить свой дом – лучше.
(Макаренко И.)*

Сентябрь радовал теплом и солнышком, Ина босиком бежит по пустынной деревенской «стрит» в гости к сестрёнке. Молчавший репродуктор на столбе неожиданно объявил громовым голосом, что впервые в истории человечества советская космическая ракета достигла Луны! Она подпрыгнула и приземлилась на острую стекляшку, которая распоролла её пятку. Острая боль, кровь и... выпел с гербом СССР на Луне!

Началась славная космическая эра Советского государства. «Земля в иллюминаторе! Земля в иллюминаторе. И как туда насыпалась она?» Это босая нищая деревня внесла свой вклад в космическую программу партии.

Деревню государство кормило больше речами: дома из «тарелки» постоянно бубнил Хрущёв. С утра до вечера он пытался донести до народа прекрасную весть: социализм построен и скоро настанет счастливое царство коммунизма. В это же время он принял решение о прекращении выплат по всем выпускам «сталинских» облигаций, которые граждане покупали в обязательном порядке и тратили на них ежегодно до трёх месячных окладов. Такое решение довело отца до невменяемого состояния. Он дрожащими руками держал облигации и не знал, что с ними теперь делать. Власть окончательно лишила его надежды на возвращение потраченных на них денег. Ещё у каждого колхозника отняли по пять соток земли, и они на концах приусадебных участков заросли бурьяном, что было полным идиотизмом.

С кукурузой в их регионе Хрущёв не прогадал. Она росла лесом на больших площадях, её превращали в силос и до самой весны хватало корма для скота. Но кукурузу внедряли и в тех регионах, где она не успевала вызреть, и там Хрущёва ненавидели всеми фибрами души, хотя, если быть честным, он сделал много хорошего для страны.

После войны Сталин ввёл налог на фруктовые деревья и на домашнюю живность, чтобы восстановить народное хозяйство. Деревня не могла его платить, поэтому плакала и рубила фруктовые деревья, резала скот. Хрущёв отменил налог только в середине шестидесятых годов, но даже после его отмены уже никто не спешил разводить сады и сажать малину, смородину, крыжовник, потому что давно перестал доверять властям. Хватало того малого, что выросло: пяток яблонь, две-три сливы или вишни. На зиму яблоки мочили, а свежая антоновка хранилась на чердаке почти до декабря. Никто в деревне не варил варенья, чего Ина долго не могла понять. Оказывается, что не хватало денег на сахар! Кто-нибудь сегодня может такое представить? Когда Ина болела, папа покупал ей баночку малинового джема. В деревне!

Хруща не любили, но зато уже могли вслух рассказывать о нём анекдоты: «Едет Хрущ по полям и видит, как мужик косит траву. Почесал Хрущ голову и придумал: надо косить в обе стороны сразу, чтобы не пропал размах косца. В следующий раз, проезжая мимо мужика, косившего траву в обе стороны, он предложил ему привязать сзади грабли, чтобы сразу траву сгребать в кучки. В третий раз мужик, увидев его, убежал с криком: „Он мне теперь фонарь на хрен повесит, чтобы я ещё и ночью косил“».

В 1959-м году их хатка совсем покосилась и готова была рухнуть. Отец поехал с другими мужиками, желающими построить новый дом, на лесозаготовку. Вскоре он привёз брёвна и сложил их возле забора, чтобы они вылежались. Летом 1961 года должно было начаться строительство, а в январе этого года произвели замену денег, сократив стоимость рубля в десять раз. Их семья на все накопления могла теперь купить 1000 коробков со спичками... и строить дом из них. Так в первый раз на её памяти государство ограбило нищий народ. А как ещё можно было проложить дорогу в космос?

Дом, вопреки политике партии, был построен. Всё лето они жили в сараюшке, пока отец с братьями пилили бревна, строгали доски, собирали сруб, возводили крышу. Самой дорогой работой оказалась кладка печи вместе с большой низкой лежанкой и со своей топкой, но общим дымоходом. После установки перегородки с дверью, лежанка оказывалась в светёлке. С мастером-печником расплачивались полгода, потом уже наскребли денег на покраску полов и окон. Через два десятка лет дом утеплили, обшив «вагонкой». Это будет потом...

В конце лета Ина уже сидела на новой беленькой-беленькой печке и любовалась светло-жёлтыми бревенчатыми стенами, подоконниками, рамами, через которые проникали лучи солнышка, высвечивая всю прелесть новенького домика. И мамины глаза сияли от счастья. Теперь у них будет две комнаты и веранда! Она уже забыла, что когда-то жила в китайских апартаментах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.